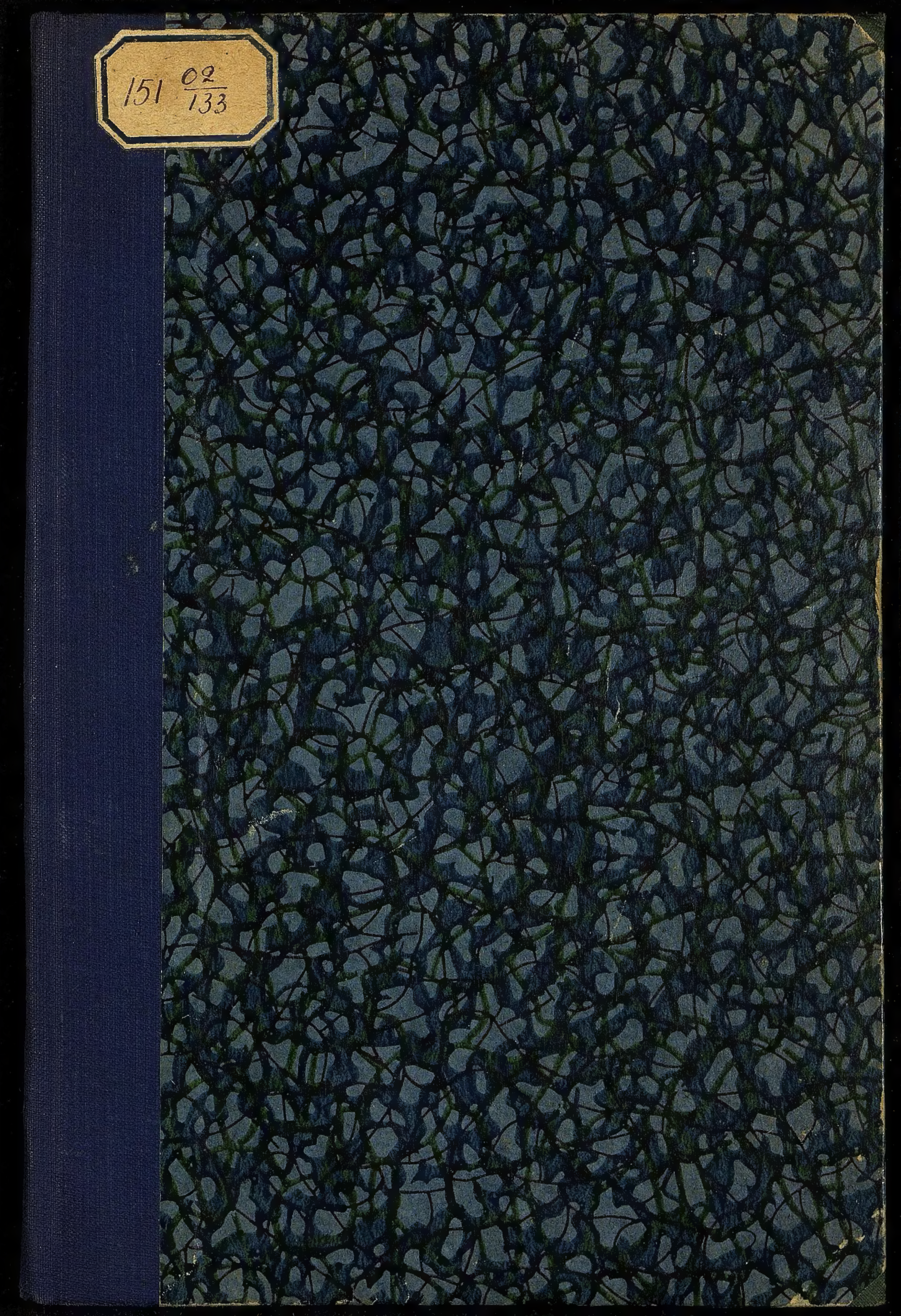
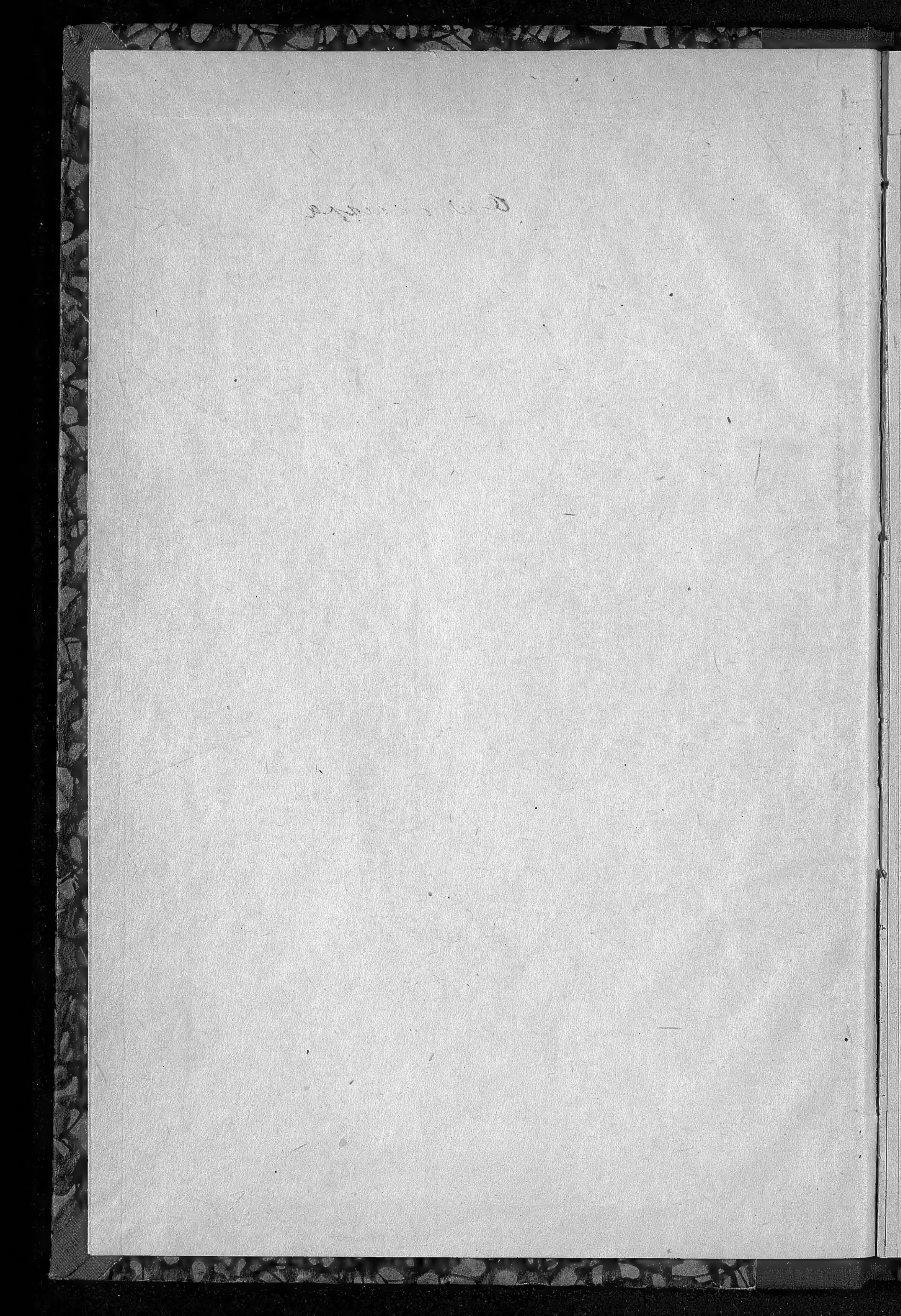

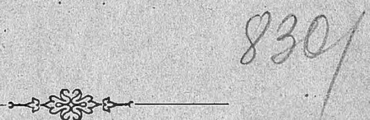

От автора

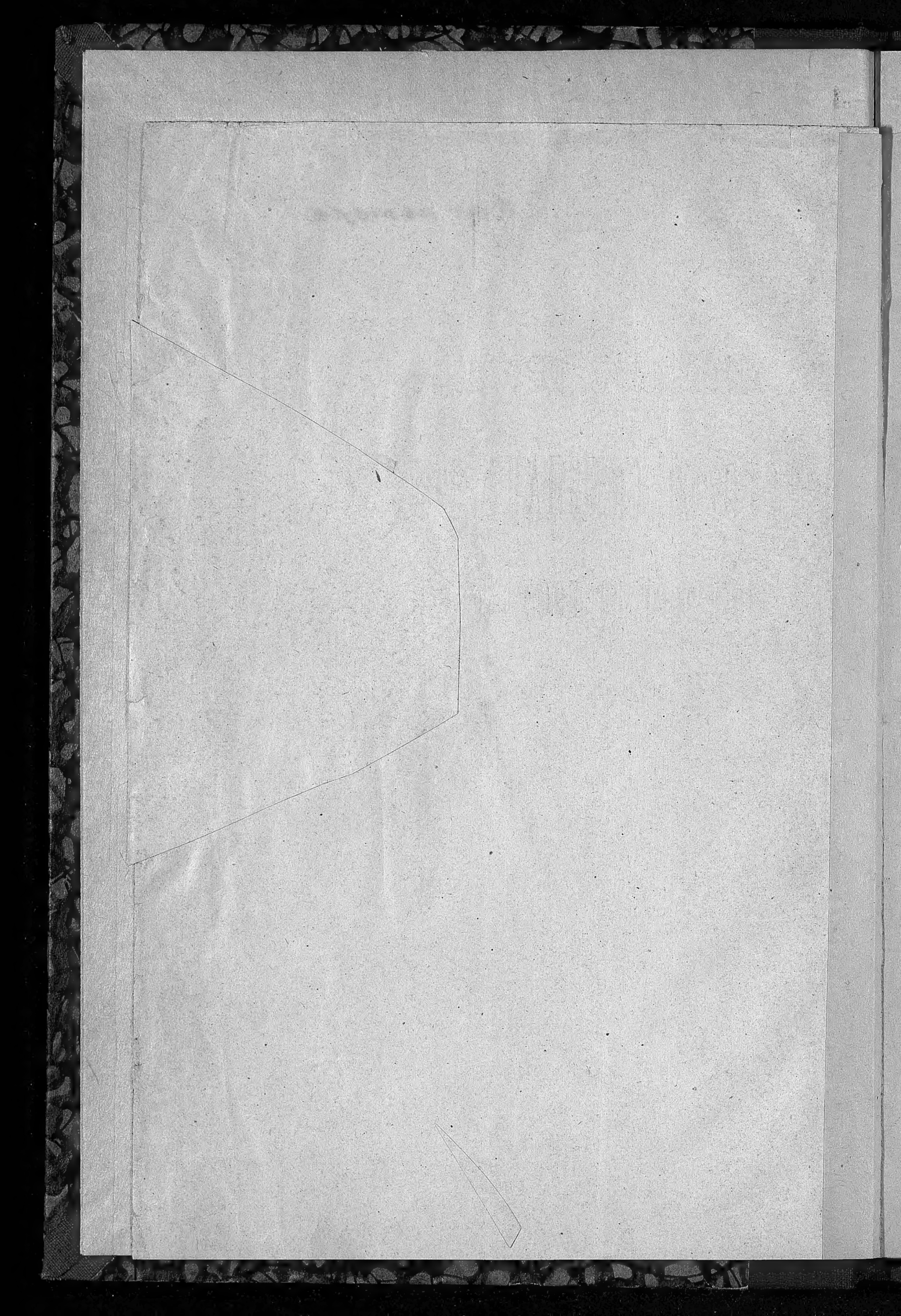
НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРІИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВ

(XVI—XVII вв.).

В. С. Иконникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Фонтанка, 95.
1900.

НОВЫЙ ТРУДЪ

ПО ИСТОРІИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

(XVI—XVII вв.).

В. С. Иконникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Фонтанка, 95.
1900.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за 1900 годъ.

Очерки по исторiи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ смутное время). *С. Ѳ. Платонова.* С.-Пб. 1899. XIII+665, съ 2-мя картами.

Авторъ названнаго сочиненія давно занимается смутной эпохой. Еще въ 1888 г. онъ издалъ „Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в., какъ историческій источникъ" (372 стр., С.-Пб.), а въ 1892 г. въ одномъ изъ изданій Археографич. ком. (Русская Историч. Библіотека, т. XIII, XXXII+982 столбца) напечаталъ сборникъ важнѣйшихъ историческихъ повѣствованій, касающихся той-же эпохи, по разнымъ ихъ спискамъ.

Смутное время много разъ привлекало вниманіе нашихъ изслѣдователей, благодаря чему мы имѣемъ весьма цѣнные труды и въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ (Щербатова, Карамзина, Соловьева, Иловайскаго; напомнимъ здѣсь и „Обзоръ событій смутной эпохи" Бестужева-Рюмина, какъ продолженіе его исторіи, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1887 г.) и въ отдѣльныхъ монографіяхъ. Продолжительное изученіе разсматриваемой эпохи дало г. Платонову несомнѣнное право заняться пересмотромъ означенной литературы съ цѣлью преимущественно остановиться на тѣхъ вопросахъ, которые менѣе обращали на себя вниманія или заслуживали новаго изслѣдованія. Вотъ какъ объясняетъ г. Платоновъ характеръ своего труда: „Тема предлагаемыхъ «Очерковъ» говоритъ онъ, опредѣляется ихъ заглавіемъ [1]). Авторъ желалъ изучить тѣ вопросы въ исторіи Смутной эпохи, которые обыкновенно стоятъ на *второмъ планѣ, не*

---

[1]) Пять отрывковъ изъ своего труда онъ напечаталъ въ *Журн. Министер. Народ. Просв.* 1897, № 10; 1898, №№: 3, 6, 10, 12.

только у прежнихъ, но и у новыхъ повѣствователей [1]). Богатая литература о Смутѣ позволила автору совершенно обойти много разъ описанныя, всѣмъ извѣстныя внѣшнія подробности событій и сосредоточить все свое вниманіе на изображеніи дѣятельности руководившихъ общественною жизнью кружковъ и на характеристикѣ массовыхъ движеній въ Смутное время" (предисловіе). И авторъ вполнѣ выдерживаетъ намѣченную для себя цѣль: онъ не останавливается на такихъ вопросахъ, какъ отношеніе Бориса Годунова къ событію 1591 г., какъ споры о личности перваго самозванца, характеристики отдѣльныхъ правленій и т. п., а слѣдитъ лишь за смѣною указанныхъ явленій. Трудъ г. Платонова распадается на двѣ части: *первая* изъ нихъ посвящена обзору состоянія Московскаго государства передъ „Смутою", которая обнимаетъ почти треть всего изслѣдованія (1—186); *вторая* самой „Смутѣ" (189—571). Въ концѣ книги приложены: 1) примѣчанія, заключающія въ себѣ сводъ данныхъ по каждому вопросу [2]) и 2) перечень именъ и географическихъ названій. Кромѣ того, книга снабжена двумя картами, изъ которыхъ одна (стр. 143) должна дать наглядное представленіе о территоріи Московскаго государства въ эпоху опричнины, а другая — о городахъ Московскаго государства въ XVI вѣкѣ.

I.

Обращаясь къ первой части разсматриваемой монографіи, прежде всего замѣтимъ, что авторъ придаетъ ей лишь „служебное значеніе"; онъ смотритъ на нее, какъ на „подготовительный эпизодъ", который онъ не рѣшается назвать „самостоятельнымъ изслѣдованіемъ". Онъ признаетъ, что „многообразіе сюжетовъ и изобиліе матеріаловъ, входящихъ въ тему этой части, требовало бы не сжатаго очерка, а многосторонняго спеціальнаго изслѣдованія, для котораго онъ не имѣлъ времени и въ которомъ не чувствовалъ надобности". Онъ прямо заявляетъ, что для этой части „ученая литература давала ему возможность собрать достаточный для его цѣли матеріалъ изъ монографій и общеизвѣстныхъ сборниковъ историческихъ документовъ" (преди-

---

[1]) Можно пожалѣть, что авторъ не представилъ критическаго обзора этой литературы, который далъ бы возможность читателю ближе оцѣнить и значеніе новаго труда.

[2]) Иногда авторъ пользовался и рукописными источниками (см. прим. 1, 15, 28, 30, 31, 37, 39, 41, 42, 162, 187, 215).

словіе). Таковъ взглядъ автора на эту часть труда, но въ ней затронуто такъ много, притомъ весьма крупныхъ вопросовъ, по связи ихъ съ главною темою книги, что мы считаемъ нужнымъ остановиться на ней болѣе подробно.

Первая глава указанной части представляетъ историко-географическое обозрѣніе „областей Московскаго государства", въ слѣдующемъ порядкѣ: Поморье, Вятка и Пермь; Замосковные города и уѣзды; города со стороны Нѣмецкой украйны; города со стороны Литовской украйны; города Заоцкіе, Украинные и Рязанскіе; Поле и Сѣвера, Понизовые города и, наконецъ, районъ казачьихъ поселеній. Въ задачу предлагаемаго очерка входило не изученіе отдѣльныхъ частей Московскаго государства въ различныхъ отношеніяхъ (административномъ, церковномъ, экономическомъ), а лишь выясненіе бытовыхъ особенностей, „условій жизни", „общественнаго строя" въ моментъ, предшествовавшій смутѣ (3—4, 8—9). Свой обзоръ областей авторъ начинаетъ съ „Поморья", о которомъ замѣчаетъ: „Въ этихъ мѣстахъ не земля, а вода по преимуществу давала заработокъ и обезпеченіе. Рыбный ловъ въ морѣ и «морскихъ рѣкахъ», охота за морскимъ звѣремъ, морской торгъ съ своими и чужими — вотъ главныя занятія поморовъ XVI вѣка. На землѣ же нельзя было жить пахотою (стр. 6.). Но въ XVI вѣкѣ значительная доля земельныхъ правъ и промысловыхъ занятій принадлежала монастырямъ Соловецкому, Кирилловскому, Корельскому и др. Рядъ крестьянскихъ волостей, осѣвшихъ и промышлявшихъ на морскомъ берегу, на земляхъ, когда-то составлявшихъ вотчины (своего рода latifundia) новгородскихъ бояръ, въ XVI в. мало по малу подпалъ вотчинной власти монастырей. Монастыри какъ бы возстановили эти боярскія вотчины, а одинъ изъ нихъ, именно Соловецкій, вѣдалъ даже и военную защиту края, обезпечивая своими кормами и жалованьемъ какъ постоянную военную силу въ краѣ, стрѣльцовъ, такъ и временныя ополченія даточныхъ людей [1]. Въ этихъ мѣстахъ Бѣломорья господствовалъ монахъ—землевладѣлецъ, промышленникъ и торговецъ [2]. Конкурентомъ Соловецкаго монастыря являлся здѣсь лишь Кирилловъ

[1]) Въ 1579 г. Соловецкій монастырь былъ превращенъ въ крѣпость, устроенную на его средства подъ надзоромъ присланнаго изъ Москвы воеводы.

[2]) Какъ извѣстно, англійскій гостиный дворъ возникъ близъ Архангельскаго монастыря, а въ 1584 г. вокругъ послѣдняго и находившихся возлѣ него строеній построенъ былъ городъ Архангельскъ (Карамзинъ, X, 30, пр. 135), куда и перешла потомъ торговля изъ Холмогоръ—главнаго пункта бѣломорской торговли.

монастырь [1], развившій на своихъ земляхъ громадное хозяйство. Отъ Бѣлаго моря и до Москвы разбросаны были эти земли и на нихъ заведены были рядомъ съ пашнями разнообразные промыслы (33—34). Намъ кажется, что кстати было бы дать здѣсь наглядный примѣръ возрастанія поземельной собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ колонизаторской дѣятельности названнаго монастыря. Будучи основанъ въ концѣ XIV вѣка, онъ уже въ половинѣ XVI вѣка владѣлъ до 400 поселеніями, возникшими преимущественно на вотчинахъ, пожалованныхъ ему [2], при чемъ особенно много деревень основали въ лѣсу три игумена, слѣдовавшіе за Кирилломъ [3]. Уже Герберштейнъ обратилъ вниманіе на миссіонерскую дѣятельность монаховъ на сѣверѣ Россіи, но, съ теченіемъ времени обстроившійся монастырь является крупнымъ экономическимъ дѣятелемъ. Для Бѣлозерскихъ князей Кирилловъ монастырь былъ не только молитвенникомъ и посредникомъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и банкиромъ [4]; а Флетчеръ о русскихъ монахахъ выражается: „Они самые оборотливые купцы во всемъ государствѣ и торгуютъ всякаго рода товарами“ (глава 21).

Съ половины XVI вѣка Поморскій край становится предметомъ торговыхъ предпріятій иностранцевъ (11—12)—сначала англичанъ, а потомъ и голландцевъ. Политическое значеніе этихъ отношеній выразилось въ смутное время, когда царь Василій сталъ возлагать большую надежду на иностранную помощь [5].

Въ очеркѣ, посвященномъ „Перми и Вяткѣ“, авторъ останавли-

---

[1]) *Костомаровъ*, Очеркъ торговли, 98—99.

[2]) Акты историч. I, 299—314. Акты экспед., I, 474—476. Въ XVI вѣкѣ, бѣлозерскія вотчины Кириллова монастыря увеличились почти вдвое преимущественно уже покупкою (*Н. Рожковъ*, Сельское хозяйство въ Московскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ, 394—398).

[3]) Акты археологич. экспед. I, стр. 474. Но такъ было и на Западѣ: „аббатъ Сенъ-Жерменъ де-Пре владѣлъ 430,000 гектаровъ земли, пространствомъ, почти равнымъ цѣлому департаменту“ (*Тэнъ*, Старый порядокъ, 24).

[4]) *С. В. Рождественскій*, Служилое землевладѣніе Моск. госуд. XVI вѣка. С.-Пб. 1897, стр. 155. Кирилловъ монастырь былъ хорошо укрѣпленъ: въ декабрѣ 1612 г. къ нему дважды приступали литовцы и казаки „съ лѣствицами“ (*Шевыревъ*, II, 7).

[5]) *Карамзинъ*, XII, 13, 56, 91, 130, примѣч. 39, 226, 507; *Соловьевъ*, VIII, 280. Сообщеніе (1609) о прибытіи 5000 англичанъ (?) въ Холмогоры „на помощь“ (Русск. Истор. Библ., II, 273; ср. Гамель, 187—188). О дѣйствіяхъ Артура Астона въ Холмогорахъ во время нападенія поляковъ (1613) и послѣдующей его судьбѣ (*Бантышъ-Каменскій*, Обзоръ внѣшнихъ сношеній, I, стр. 101—105).

вается на дѣятельности Строгановыхъ, „пожалованія которыхъ окраинными землями, говоритъ онъ, мы считаемъ такимъ же правительственнымъ пріемомъ, какъ и тотъ, который мы указали въ Бѣломорьѣ въ отношении Соловецкаго монастыря“. „И здѣсь, и тамъ не хватало у правительства собственныхъ средствъ; оно пользовалось бывшими на лицо частными силами, передавая имъ свои функціи и взамѣнъ создавая широкія льготы и исключительныя права своимъ помощникамъ“ (стр. 19).

По поводу дѣятельности Строгановыхъ авторъ замѣчаетъ: „ни особенныхъ богатствъ, ни торговаго оживленія, ни развитой производительности намъ нечего искать на этой окраинѣ. Солевареніе, выдѣлка кожъ, охота, кое-гдѣ землепашество, торговля съ инородцами камскими, вычегодскими, печорскими—вотъ занятія пермскаго населенія [1]. Если въ этомъ краю Строгановымъ удалось такъ скоро и прочно поставить сложное и богатое хозяйство, то причины этого не въ сказочномъ богатствѣ захваченныхъ ими въ Великой Перми земель, а въ старыхъ источникахъ ихъ экономической мощи, вообще еще мало изслѣдованныхъ“. Наконецъ онъ говоритъ: „Дружина Ермака врядъ-ли бы выросла до 850 человѣкъ, если бы ее вербовали силами однихъ пермскихъ Строгановскихъ вотчинъ. Она создана была на тѣ же ранѣе скопленныя средства“ и т. д. (20—21).

Бросивъ эту мысль, авторъ не входитъ въ ближайшее обсужденіе настоящаго вопроса; онъ не упоминаетъ о громадныхъ средствахъ Строгановыхъ, о которыхъ существуютъ свѣдѣнія, начиная отъ времени Василія Темнаго до Смутной эпохи включительно [2]; онъ не касается и вопроса о захватѣ ими земель, на что указываютъ данныя „обновленныхъ“ писцовыхъ книгъ, вызвавшія жалобы и пересмотръ самыхъ правъ Строгановыхъ (1650) [3], которыя даютъ право заключать о хищническомъ хозяйствѣ этихъ послѣднихъ, часто дѣйствовавшихъ во вредъ казеннымъ интересамъ и выгодѣ населенія [4].

---

[1]) О слабости культурныхъ условій края въ предшествовавшій періодъ см. Земледѣльческія орудія Пермской чуди, *Ѳ. А. Теплоухова* (Пермскій край, I, 57—94) и Древности Пермской чуди изъ серебра и золота и ея торговые пути, его же (ibid. III, 247—290).

[2]) *Устряловъ*, Строгановы, 22, 89.

[3]) *Дмитріевъ*, Пермская Старина, IV, 85—101.

[4]) *Ѳирсовъ*, Положеніе инородцевъ въ Московскомъ Государствѣ, 184, 254, 255; *А. Ивановъ*, Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края, Каз. 1881, стр. 34—35.

Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что отношеніе Пермскаго края къ Смутѣ тѣсно связано съ дѣятельностью и вліяніемъ Строгановыхъ, какъ державшихъ его экономически въ своихъ рукахъ [1]).

Другимъ важнымъ подспорьемъ такому положенію края въ смутное время служили тѣ „мірскіе" порядки, которые прочно утвердились здѣсь, по замѣчанію автора. „Міръ, говоритъ онъ, есть та общественная форма, которою преимущественно жилъ сѣверъ, она смотритъ на насъ отовсюду: и съ государевой земли, и изъ-за монастырскаго тархана, и изъ-за Строгановскихъ льготъ. Особенно интересно, что губное право распространяется въ XVI вѣкѣ не въ однихъ государевыхъ черныхъ земляхъ, но и среди крестьянскихъ «міровъ», живущихъ въ монастырскихъ вотчинахъ [2]). Въ смутную пору тяглые «міры» поморья явили большую способность къ самодѣятельности и нашли въ себѣ средства и людей для устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ. Точно также на сѣверѣ городъ являлся центромъ и руководителемъ хозяйственнаго труда въ своемъ районѣ и тѣсно связывалъ свою жизнь съ жизнью области" (23—25, 50—51, 58).

II.

Второй очеркъ первой главы разсматриваемаго труда посвященъ „замосковнымъ городамъ", „замосковной волости", въ предѣлахъ которыхъ лежали земли старыхъ великихъ княженій Владимірскаго, Московскаго, Суздальскаго, Нижегородскаго и Тверскаго, составлявшія коренное Великоруссье и обладавшія издавна плотнымъ населеніемъ, сравнительно высокою хозяйственною культурою, промышленнымъ и торговымъ оживленіемъ" (25—26). Авторъ останавливается здѣсь на такихъ пунктахъ, какъ Ярославль, Нижній-Новгородъ, Вологда, крупнѣйшихъ во всемъ государствѣ городскихъ поселеніяхъ, за исключеніемъ Москвы, Новгорода и Пскова, и лежавшихъ на важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ. За ними слѣдуетъ до 20 другихъ городовъ, не считая менѣе важныхъ городскихъ поселеній. Но, говоря о степени населенности и зажиточности этой центральной территоріи государства, автору приходится дѣлать значительныя ограниченія. Если такіе города, какъ Ярославль, Вологда, Нижній, даже Кострома, много

---

1) *Устряловъ*, 20—21; *Соловьевъ*, т. VIII, 252, 275.

2) Есть указанія, что въ интересахъ общины правительство дозволяло „выводить" старыхъ крестьянъ на ихъ селища изъ-за монастырей (1552) „безсрочно и безпошлинно" (Акты Арх. Эксп. I, № 234),

поднялись, благодаря участію въ мѣстномъ торговомъ движеніи Поволжья и въ торговлѣ съ иноземцами (26, 29, 36, 37—38), то большее число старыхъ городовъ (Ростовъ, Суздаль, Переяславль - Залѣсскій, Муромъ, Тверь, Коломна, Можайскъ и друг.) пришли въ упадокъ и даже полное разрушеніе (30, 39, 42—43, 46—47, 49), несмотря на то, что ихъ уѣзды принадлежали къ наиболѣе населеннымъ и промышленнымъ (34, 38)—результатъ ихъ политическаго паденія (38), если не временныхъ обстоятельствъ (пожары, общественныя бѣдствія и т. п.), а также (къ концу XVI вѣка) и недавнихъ тяжелыхъ политическихъ условій, каковы войны Ивана Грознаго, опричнина и т. п.

Въ подтвержденіе своихъ выводовъ о положеніи городовъ и уѣздовъ въ разсматриваемый періодъ, какъ въ указанномъ районѣ, такъ и въ другихъ случаяхъ, авторъ обыкновенно приводитъ цифровыя данныя о составѣ мѣстнаго населенія. Подобный способъ подтвержденія, конечно, имѣетъ свое значеніе даже при всѣхъ недостаткахъ тогдашней статистики; но мы не можемъ согласиться съ пріемомъ, принятымъ авторомъ. За отсутствіемъ необходимыхъ данныхъ отъ XVI вѣка, авторъ часто пользуется цифрами, относящимися не только къ началу, но и къ концу XVII столѣтія (стр. 17, 28, 33, 35—39, 41, 42, 47, 49, 92 — 97), несмотря на то, что самая подвижность населенія („запустѣніе“ и „приростъ“, иногда вдвое больше) должна бы предостерегать отъ опредѣленныхъ выводовъ. Притомъ конецъ XVI и начало XVII вѣка раздѣляются такимъ крупнымъ переворотомъ, какъ Смутное время, обыкновенно характеризуемое въ современныхъ извѣстіяхъ названіемъ „разоренія“ (35, 38, 39, 45, 47), а въ теченіе XVII вѣка слѣдовалъ рядъ войнъ и другихъ бѣдствій (моръ, неурожаи, голода 1643, 1654—1656, 1663 и т. д.), которыя въ свою очередь должны были отражаться на составѣ населенія при разныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ изслѣдователямъ, отмѣчающимъ значительное увеличеніе населенія послѣ Смуты, во 2-ой половинѣ XVII вѣка приходится опять говорить объ его упадкѣ [1]). Вотъ по-

---

[1]) Въ Тульскомъ уѣздѣ въ 1589 г. считалось 2.465 дворовъ крестьянъ и бобылей (Писцовыя книги Моск. госуд., отд. II, стр. 1259), а въ 1628—1633 г. показано лишь 1.410, большую убыль которыхъ относятъ главнымъ образомъ на послѣдствія смутнаго времени. Въ 1646 г. перепись показываетъ уже значительное повышеніе числа крестьянскихъ дворовъ, а послѣ польской войны въ переписи 1678 г. снова обнаруживается пониженіе (Тульскій уѣздъ, Чт. М. О. И. 1892, IV, стр. XXXI—XXXII). Точно также въ Воронежскомъ уѣздѣ въ 1646 г.

чему и самому автору, по поводу этихъ данныхъ, приходится дѣлать необходимыя оговорки („въ XVI вѣкѣ, конечно, было менѣе“, „очень высокая цифра“, „для конца XVI вѣка эти цифры слѣдуетъ измѣнить“, „необходимая для конца XVI вѣка поправка“ и т. п.). Привлеченіе въ настоящемъ случаѣ современныхъ извѣстій о положеніи разныхъ частей Московскаго государства могло бы пополнить неизбѣжный пробѣлъ въ этомъ отношеніи. Другую сторону вопроса мы разсмотримъ въ своемъ мѣстѣ, когда намъ придется говорить объ экономическомъ кризисѣ въ XVI вѣкѣ.

Въ противоположность „Поморью“, въ центральныхъ мѣстахъ государства находилось много дворцовыхъ и частно-владѣльческихъ, боярскихъ и монастырскихъ слободокъ, большинство которыхъ еще не слилось съ посадомъ въ одну тяглую общину. Какъ городской домовладѣлецъ, служилый человѣкъ былъ очень далекъ отъ посадской общины и холоденъ къ ея интересамъ. Также чужды интересамъ посадскаго міра были обыватели частно-владѣльческихъ слободъ, обязанные платежами и повинностями не государству, а своимъ хозяевамъ и владѣльцамъ, и съ монастыремъ или боярскимъ дворомъ связанные крѣпче, чѣмъ съ государствомъ. Уѣзды замосковныхъ городовъ представляли уже въ XVI вѣкѣ картину полнаго развитія частнаго землевладѣнія, внѣ котораго оставалось лишь небольшое количество дворцовыхъ земель. При этомъ къ концу XVI вѣка всѣ служилые землевладѣльцы даже высшихъ чиновъ были гораздо болѣе помѣщиками, чѣмъ вотчинниками, а провинціальный служилый классъ почти исключительно сидѣлъ на помѣстьяхъ (50—57) [1]. Конечно, этимъ самымъ создавалась матеріальная зависимость высшаго и служилаго класса отъ центральной власти, которая усугублялась другимъ важнымъ обстоятельствомъ. Аристократія, съумѣвшая прочно захватить управленіе провинціями, съумѣвшая утвердиться въ нихъ наслѣдственно, пріобрѣсть къ себѣ расположеніе жителей, конечно, создала бы себѣ

считалось 2.060 дворовъ крестьянъ и бобылей, а въ 1678 г.—1.080 (*И. Н. Миклашевскій*, Къ ист. хозяйств. быта Моск. госуд., 206—207). Ср. еще *С. Богоявленскій*, Нѣкоторыя статистическія данныя по исторіи русскаго города XVII вѣка (Труды Арх. Ком. Моск. Археол. общ. т. 1, вып. 3). И Коллинсъ, бывшій въ XVII вѣкѣ въ Россіи, утверждаетъ, что русскія области, въ періодъ 1657—1667, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ настолько пострадали, что населеніе ихъ вообще убавилось по крайней мѣрѣ на $^2/_5$.

[1]) *Бѣляевъ* полагаетъ, что къ концу царствованія Ивана Грознаго въ помѣстной раздачѣ было по крайней мѣрѣ до 50 милліоновъ четвертей земли (Крестьяне на Руси, 99; ср. *Ж. М. Н. Пр.* 1884, № 11, с. 47).

прочное господство и сдѣлалась бы силой въ государствѣ. Но та же аристократія, завѣдующая всѣмъ управленіемъ въ столицѣ, на глазахъ государя, ничтожна, потому что, во всякій моментъ у ней могла быть вырвана власть. Московскіе государи это отлично понимали [1]). Вотъ почему не только высшее сословіе — боярство, но и люди съ очень скромной родословной считали за „безчестіе" нести обязанности выборной провинціальной службы (какъ губнаго старосты), которая могла бы закрѣпить за ними довѣріе мѣстнаго общества, а слѣдовательно и вліяніе на жителей уѣзда [2]). Впрочемъ и въ этихъ центральныхъ мѣстностяхъ сильнымъ соперникомъ въ области землевладѣнія являлся монастырь. Эта сторона вопроса разсмотрѣна авторомъ съ надлежащимъ вниманіемъ. Монастыри имѣли въ данномъ случаѣ въ свою пользу гоподствовавшія идеи вѣка и матеріальныя преимущества. „Мірскіе люди, говоритъ г. Платоновъ, не имѣли столько свободныхъ денежныхъ капиталовъ, сколько имѣли ихъ монастыри, а въ дѣлѣ земельнаго стяжанія свободный денежный капиталъ составлялъ главное оружіе монастыря. Монастырь обращалъ его не только на простую покупку земель, но и въ денежную ссуду тѣмъ же служилымъ людямъ подъ залогъ ихъ земли, имѣя въ виду оставить за собою залогъ при неуплатѣ въ срокъ. Такимъ образомъ, именно тамъ, гдѣ, казалось бы, должно было процвѣтать боярское землевладѣніе, именно въ центрѣ государства, процвѣтало въ сущности землевладѣніе монастырское" (54—55) [3]). Въ подтвержденіе сказаннаго авторъ ссылается на самый главный и наиболѣе богатый изъ монастырей—Троицкій, вотчины котораго разсѣяны были въ уѣздахъ: Владимірскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ, Костромскомъ, Московскомъ, Коломенскомъ (опущенъ), Муромскомъ, Переяславля - Залѣсскаго, Пошехонскомъ, Ростовскомъ, Рузскомъ, Солигалицкомъ, Старицкомъ, Суздальскомъ, Углицкомъ, Юрьева-Польскаго, Ярославскомъ и Бѣлозерскомъ.

Сообщая эти данныя, авторъ, вообще щедрый на числовыя показанія, не приводитъ, однако, общаго количества дворовъ (свыше 8.000), принадлежавшихъ Троицкому монастырю въ означенныхъ

---

[1]) *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ рус. исторіи, 13, 34.

[2]) *Ключевскій*, Боярская Дума, 313—315; ср. *Чечулинъ*, Города, 101, 160.

[3]) По одинаковому съ монастырскимъ землевладѣніемъ типу росли вотчины митрополита, потомъ патріарха, преимущественно въ старыхъ областяхъ, а въ XVI вѣкѣ онѣ значительно возрасли (*Горчаковъ*, О землевладѣн. митрополитовъ, патріарховъ и т. д. 54—59, 81—82).

уѣздахъ; но районъ его владѣній въ XVI столѣтіи, какъ видно изъ другихъ данныхъ, былъ гораздо обширнѣе [1]). Съ другой стороны, Троицкій монастырь является крупнымъ капиталистомъ. По словамъ Флетчера, хотя быть можетъ и преувеличеннымъ, годовой доходъ его отъ земель и повинностей достигалъ 100.000 р. (гл. 21), а мы знаемъ, какія значительныя суммы были взяты съ того же монастыря въ Смутное время [2]) и, конечно, при Иванѣ Грозномъ (Горсей).

Въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія авторъ упоминаетъ о количествѣ монастырскихъ владѣній, сравнительно съ другими владѣльцами, при чемъ оказывается, что нерѣдко эти земли составляли до половины всей территоріи въ данной мѣстности (16, 55, 56). Поэтому нисколько не будетъ преувеличеніемъ, если принять показанія нѣкоторыхъ извѣстій, идущихъ отъ XVI столѣтія, что духовенство въ это время владѣло третью всей государственной территоріи, и нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей полагаютъ, что при ближайшемъ изученіи источниковъ, относящихся къ этому вопросу, означенное показаніе можетъ быть признано близкимъ къ истинѣ [3]).

III.

Слѣдующій разрядъ областей, подлежащихъ разсмотрѣнію автора,— составляютъ земли Великаго-Новгорода и Пскова съ ихъ пригородами.

---

[1]) Въ жалованной грамотѣ Троицкой лаврѣ 1752 г. подтверждаются всѣ пожертвованія и надѣлы, данные ей, съ обозначеніемъ времени пожалованія (Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос. 1865, IV, стр. 116—152); жалованная грамота на дворовыя мѣста въ разныхъ городахъ, тамъ же (53—162); ср. также Акты Арх. Экспед., т. I, особенно № 330.

По позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказывается, что въ 27 уѣздахъ (тоже не во всѣхъ) Троицкій монастырь имѣлъ свыше 200 тысячъ десятинъ земли, при чемъ обогащеніе его приходится преимущественно на XVI столѣтіе (*Н. Рожковъ*, Сельск. хоз. въ Моск. госуд. въ XVI вѣкѣ, 402, 406).

[2]) Сказ. *Авр. Палицына*, изд. 1822, стр. 224—25, 228.

[3]) *А. С. Павловъ*, Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, 23.

Относительно Зап. Европы Тэнъ говоритъ: „Духовенство держало въ своихъ рукахъ третью часть земель, половину доходовъ, двѣ трети капиталовъ всей Европы" (стр. 14). Наканунѣ реформаціи, церковь въ Англіи владѣла собственностью=$^1/_5$ части національнаго богатства (*Трайль*, III, 40; ср. *М. Ковалевскій*, Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, 3—4, 14—20, 138—140). Въ XV вѣкѣ духовенство владѣло болѣе, чѣмъ половиною воздѣланныхъ земель королевства, при чемъ около $^1/_3$ ихъ приходилось на долю бѣлаго духовенства, а по меньшей мѣрѣ одна треть воздѣлываемыхъ пространствъ королевства была въ рукахъ монастырей.

Авторъ прямо и категорически утверждаетъ, что въ XVI вѣкѣ уже не было вовсе тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые могли бы вести Новгородъ къ отпаденію отъ государства: эти элементы были или истреблены или сведены въ другіе города [1]). Превращеніе это шло двоякимъ путемъ: замѣной выведеннаго населенія новымъ, взятымъ изъ московскихъ областей и „верстаніемъ" мелкихъ землевладѣльцевъ края въ службу. Лишенный всякихъ политическихъ воспоминаній и аристократическихъ традицій, привязанный къ Москвѣ происхожденіемъ, или обязанный ей карьерой, этотъ классъ сталъ надежнымъ слугой московской власти (59—60). Въ остальномъ условія прежней народно-хозяйственной дѣятельности жителей мало перемѣнились, при чемъ самый Новгородъ къ началу XVII вѣка оправился отъ погрома 1570 г., но его пятины, вслѣдствіе ливонской и польской войны и опричнины, почти обезлюдѣли (63—65).

Допуская вѣроятность такого заключенія, мы не можемъ, однако, согласиться съ другимъ выводомъ автора, относящимся къ тому же Новгороду. На стр. 63-й онъ говоритъ: „Грозный въ 1570 г. совершенно опустошилъ Новгородъ, уничтоживъ въ немъ болѣе 90% жилыхъ дворовъ". Въ настоящемъ случаѣ г. Платоновъ вполнѣ слѣдуетъ выводамъ, сдѣланнымъ раньше А. Г. Ильинскимъ [2]), мнѣніе котораго основывается на весьма крупныхъ, хотя и крайне не согласныхъ между собою, лѣтописныхъ (по Москов. лѣт. тогда погибло 35.000 чел., по Новгород.—до 40.000, по Псков.—60.000) и другихъ данныхъ (Курбскій насчитываетъ убитыхъ въ одинъ день—15.000, иностранцы также показываютъ различно) [3]). Ненадежность подобныхъ большихъ, притомъ круглыхъ цифръ ясна сама собою. Такъ, выкупъ за великаго князя Василія Темнаго въ Орду въ одной лѣтописи (Псков.) обозначается въ 29.000 р., а въ другой (Новгород.) въ 200.000 р.; моръ въ Новгородѣ и его волостяхъ въ 1552 г. по одной лѣтописи (3-я Новгород.) истребилъ 27.900 чел., а по другой (Никон.) — 500.000 чел. [4]). Полагая же (на основаніи дошедшей до насъ части описи 1579, сравнительно съ описью 1546 г.), что количество дворовъ до разгрома Новгорода могло быть—6.532 двор., Ильинскій заключаетъ,

---

[1]) Любопытно, однако, замѣчаніе Авр. Палицына (34 — 35).

[2]) Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ (Ист. Обозр. IX, 119—243).

[3]) Отъ 27.000 чел. (Таубе и Крузе) до 700.000 (Горсей).

[4]) Все населеніе въ 9 городахъ Новгородской области въ 1546 г. = 7.596 дворамъ (Ист. Обозр. IX, 144).

что жилыхъ дворовъ оставалось около 1.300, а изъ остальныхъ 5.200 двор.—1.000 двор. пустыми и 4.200 пустыхъ мѣстъ [1]), т. е. около $^4/_5$ были опустошены. „Вотъ какой печальный видъ, говоритъ онъ, представлялъ Новгородъ въ концѣ XVI вѣка *послѣ двухлѣтняго голода и полуторамѣсячныхъ потѣхъ Ивана IV*“ [2]). Затѣмъ, допуская нѣкоторыя ограниченія въ пользу голода и болѣе зажиточнаго населенія, какъ легче переносившаго бѣдствія, авторъ приходитъ къ заключенію, что посадскихъ людей сохранилось всего 7%, а остальные (93%) погибли именно отъ погрома, принимая и самую цифру, показанную новгородскимъ лѣтонисцемъ (въ 40.000 чел.), какъ вполнѣ достовѣрную. Но дѣло въ томъ, что Новгородъ, въ теченіе предшествовавшихъ 25 лѣтъ [3]), подвергался послѣдовательно *пожарамъ* (въ 1547 г. сгорѣло 226 двор.; въ 1555 г. — 1.500 двор.; а небольшие пожары были въ 1552, 1553, 1558, 1560, 1561, 1562, 1567, 1568, 1571), *мору* (1552 — 1553, 1557) и *голоду* (1570 — 1572), которые, конечно, должны были оказать свое вліяніе и на запустѣніе города [4]). А, принимая во вниманіе положеніе Новгорода со времени его покоренія и численность дворовъ въ 1546 г., необходимо признать, что въ это время населеніе города едва-ли превосходило 20.000 чел. [5]). Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что позднѣйшія изслѣдованія по

[1]) Акты Арх. Экспед., I, № 205.

[2]) Историч. Обозр., IX, 238—241.

[3]) Въ 1546 г. въ немъ было до 5.300 дворовъ (Акты Арх. Экспед., № 205; ср. Дополн. къ актамъ, I, № 148).

[4]) Лѣтописи Новгородскія 2-ая и 3-я; Псковская 1-ая; Карамз. IX, 89, примѣч. 295. Моровыя язвы XIV и XV столѣтій самымъ губительнымъ образомъ отражались на состояніе городовъ и въ Зап. Европѣ; а выходъ населенія былъ обычнымъ явленіемъ во время голодовъ и т. п. случайностей (Новгор. лѣт. Синод. спис. 273; Карамз. IX, пр. 294; Устюжск. лѣт.). Необходимо также замѣтить, что обозначеніе пустыхъ мѣстъ не всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительности (*Н. Д. Чечулинъ*, Города Московскаго Государства въ XVI вѣкѣ, стр. 42, 73, 83, 87, 93, 108, 110, 137, 158, 172—174).

На сколько отражались болѣе раннія причины опустошенія на послѣдующей численности населенія, могутъ служить примѣромъ слѣд. данныя, касающіяся притомъ одной изъ новгородскихъ пятинъ. Такъ, изъ числа деревень, тянувшихъ къ дворцовому селу Паозерью въ Шелонской пятинѣ, *по описанію 1572—1573 г.*, 27 деревень запустѣло назадъ тому 6 лѣтъ, 9 деревень назадъ тому 20 лѣтъ, 8 за 22 года до описанія и т. д., причемъ 3 деревни запустѣли „отъ государевыхъ податей“, 1 деревня „отъ государевыхъ податей и отъ мору и отъ тяжелыхъ описей“, *а 55 деревень „отъ мору“* и пр. (Труды Арх. ком. Моск. Арх. Общ., II, 197).

[5]) *Н. Д. Чечулинъ*, 52.

исторіи городовъ Западной Европы (Гегеля, Бюхера, Лампрехта, Ястрова, Шмоллера, Rogers'а и др.) привели къ заключенію о несостоятельности прежнихъ выводовъ (основанныхъ преимущественно на показаніяхъ хроникъ) относительно ихъ значительной населенности въ XIV и XV столѣтіи, причемъ прежнія цифры пришлось уменьшить вдвое и даже втрое. Понятно, что Новгородъ, занимавшій видное мѣсто въ ряду русскихъ городовъ, не могъ составлять исключенія въ этомъ отношеніи, а, при тогдашней подвижности населенія [1], неудивительно, что вскорѣ послѣ погрома 1570 г. нашему автору приходится уже говорить, что „Новгородъ сталъ быстро поправляться и сохранялъ относительную населенность“ (63, 65).

Почти подобную же картину представляла Псковская область, за исключеніемъ Пскова. Въ то время, какъ въ ближайшихъ къ Москвѣ городахъ тяглые люди уступали служилымъ и свои дворовыя мѣста, и свой торгъ, во Псковѣ тяглый людъ былъ многочисленъ и крѣпокъ; онъ удерживалъ въ своихъ рукахъ торговлю и обладалъ достаточною силою нравственною и хозяйственною, для того, чтобы стойко переносить не только военныя невзгоды, но и всѣ бѣдствія смутнаго времени (67—68). Города, обращенные къ литовско-польской границѣ (Смоленскъ, В. Луки и др.), имѣли преимущественно военно-политическій интересъ, который мѣшалъ правильному развитію хозяйственной жизни (71—72). И здѣсь замѣчается такое же систематическое водвореніе помѣщиковъ на взятыхъ отъ непріятеля земляхъ, какъ и въ пограничныхъ мѣстахъ Новгородской земли, подчиненныхъ Москвою. Но эти помѣстныя владѣнія оказались недолговѣчны, такъ какъ отошли къ Литвѣ. Въ Смуту они подверглись польской оккупаціи, а ихъ владѣльцы были выбиты вонъ и долго не могли устроиться, блуждая по всему государству. Подобныя условія не могли содѣйствовать успѣхамъ землевладѣнія и вообще хозяйства. Поэтому мы почти не видимъ здѣсь рядомъ съ мелкимъ, искусственно насажденнымъ владѣніемъ,—ни крупной боярской, ни монастырской земельной собственности (75—76).

Въ обзорѣ „Заоцкихъ“ (Калуга, Воротынскъ, Козельскъ, Лихвинъ, Медынь, Мещовскъ, Мосальскъ, Перемышль, Серпейскъ и др.), „Украинныхъ“ (Алексинъ, Болховъ, Бѣлевъ, Дѣдиловъ, Карачевъ, Крапивна, Мценскъ, Новосилъ, Одоевъ, Орелъ, Таруса, Тула и Чернь,) и „Рязанскихъ“ городовъ (Переяславль Ряз., Зарайскъ,

---

[1]) *Чечулинъ*, 73; *Ильинскій*, 207.

Михайловъ, Пронскъ, Веневъ, Ряжскъ, Сапожокъ, Шацкъ, Епифань, Донковъ и др.), авторъ замѣчаетъ, что хотя нѣкоторые изъ названныхъ городовъ (Тула, Калуга, отчасти Рязанскіе города) имѣли значеніе торговыхъ пунктовъ, по своимъ отношеніямъ и путямъ сообщенія съ Москвою и югомъ, но преобладающій характеръ ихъ былъ военный, вслѣдствіе опасности, постоянно грозившей со стороны Крыма и ногайской орды (76—80). Къ исходу XVI в. московское правительство овладѣло уже громаднымъ пространствомъ „дикаго поля" между Дономъ, верхнею Окою и лѣвыми притоками Днѣпра и Десны (86). Города, расположенные на рубежѣ, служили опорными пунктами противъ Литвы и татаръ (87—88). Подъ вліяніемъ же военныхъ обстоятельствъ нерѣдко замѣчается превращеніе стараго города въ постоянный лагерь пограничной милиціи. Въ означенныхъ уѣздахъ вотчинная собственность мало замѣтна при широкомъ распространеніи помѣстья, при чемъ колонизаторами края (Веневъ, Епифань, Зарайскъ) являются не только мелкіе служилые люди, но и боярскіе роды; монастыри же, напротивъ, не обладаютъ такими пространствами земли, какъ въ центральныхъ и сѣверныхъ мѣстностяхъ (96 — 97). Крупные размѣры запашки на государя, доходившіе въ нѣкоторыхъ городахъ до 200 десятинъ въ полѣ, обременяли населеніе и возбуждали недовольство, и успѣхъ самозванческой агитаціи въ южныхъ городахъ авторъ ставитъ въ непосредственную связь съ этимъ недовольствомъ (99 — 100). Въ свою очередь въ „польскія и сѣверскія" мѣста стремится населеніе, преслѣдуемое за преступленія, вслѣдствіе голода, долговъ и запрещенія свободнаго перехода. Такъ накоплялись здѣсь элементы, недовольные настоящимъ порядкомъ вещей.

Понизовые города или „Поволжье" (территорія бывшаго Казанскаго царства) представляли съ одной стороны военныя укрѣпленія и форпосты (Казань, Свіяжскъ и рядъ городковъ), а съ другой — торгово-промышленные пункты, оставаясь по прежнему культурно-хозяйственными центрами для этой обширной территоріи. Въ Казанскомъ царствѣ на первыхъ же порахъ были водворены всѣ формы землевладѣнія, которыми характеризуется замосковье XVI вѣка (105—106, 109—110)—помѣстное, дворцовое, монастырское; но и татары, прежніе хозяева края, утративъ политическое господство, не потеряли экономическаго значенія: подъ покровительствомъ русской власти они продолжали дѣлать, въ качествѣ помѣщиковъ, захваты и закрѣплять за собою инородческія земли и ихъ ясачное населеніе (107). Съ переходомъ „Поволжья" въ русскія владѣнія, процессъ обезземеленья

усилился и ускорился, а это служило главною причиною того недовольства, съ какимъ инородцы (мордва, черемисы, чуваши, вотяки) относились къ Московскому государству. На этой же почвѣ возникаютъ инородческія движенія, которыя дали себя чувствовать и въ смутное время (108) [1]).

Наконецъ, авторъ даетъ характеристику населенія по среднему и нижнему теченію Волги, Дона и С. Донца и по лѣвымъ притокамъ Дона, извѣстнаго тогда подъ именемъ полевыхъ или „польскихъ" казаковъ, не имѣвшаго еще какой-либо прочной организаціи, но предоставлявшаго охотно пріютъ всѣмъ выходцамъ какъ изъ ближайшей украйны, такъ и изъ болѣе отдаленныхъ городовъ (В. Луки, Новгородъ и др.), большею частью недовольныхъ своимъ положеніемъ, иногда служившихъ Москвѣ, но, въ случаѣ недовольства, и готовыхъ дѣйствовать противъ нея (113—120).

IV.

Вторая глава труда г. Платонова посвящена „кризису второй половины XVI вѣка". Тѣмъ болѣе считалъ авторъ необходимымъ подвергнуть это явленіе изслѣдованію, что онъ не раздѣляетъ взгляда тѣхъ нашихъ писателей [2]), которые полагаютъ, что Смута начала XVII в. была какъ бы сюрпризомъ, приготовленнымъ Московскому государству „польскими кознями" и папской интригой. „Разумѣется, говоритъ авторъ, мы назвали бы политику Рѣчи Посполитой и папской куріи недальновидною и неискусною, если бы она не умѣла во время понять и оцѣнить происходившія въ московской жизни замѣшательства и если бы она не пыталась извлечь изъ нихъ свою пользу. Но мы не думаемъ, что эта политика могла привить здоровому политическому тѣлу заразу междоусобія и поднять народ-

---

[1]) Обыкновенно авторъ для каждаго очерка даетъ подробный перечень литературы, но здѣсь онъ не упоминаетъ соч. Ѳирсова (Положеніе инородцевъ въ Московскомъ государствѣ). Онъ называетъ и „Списокъ съ писцов. книгъ по г. Казани съ уѣздомъ" (Каз. 1877), но опускаетъ „Очерки древней Казани преимущественно XVI в." (съ планомъ), *Пл. Заринскаго* К. 1877 (218 стр.), въ которомъ разсматривается составъ населенія и первые успѣхи русскаго владычества въ краѣ. Быть можетъ, слѣдовало бы напомнить и статьи *С. Нурминскаго*, „Вліяніе монастырей на разселеніе народное въ Казанскомъ царствѣ" (*Правосл. Собесѣд.* 1864, I; сравни 1866, III).

[2]) Вѣроятно, *Д. И. Иловайскаго* (Смутное время Московскаго Государства, М. 1894, см. стр. 324—338) и отчасти *Бицина* (Н. М. Павлова).

ныя массы другъ на друга безъ причинъ, лежавшихъ въ ихъ бытѣ. Думать такъ, значитъ отказываться отъ всякой надежды понять дѣйствительное значеніе Смуты и правильно объяснить ея происхожденіе" (стр. 122). Поэтому прежде всего авторъ старается выяснить ту среду, въ которой зародились главные элементы Смуты.

Предчувствія наступающихъ народныхъ бѣдствій авторъ подтверждаетъ преимущественно на основаніи двухъ свидѣтельствъ: апокрифической бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ, имѣющей апокалипсическій характеръ, и болѣе реальныхъ показаній Флетчера. Приписывать ли первый изъ этихъ источниковъ князю Патрикѣеву-Косому (Невоструевъ, митр. Макарій, Бодянскій, Хрущовъ, Жмакинъ), его ученику или послѣдователю (позднѣйшіе издатели памятника) [1], или прямо публицисту боярскаго направленія, который съ воодушевленіемъ и талантомъ составилъ это произведеніе (Ключевскій и Знаменскій) [2], легко понять, съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на заявленія его автора о „царской простотѣ", „иноческихъ грѣхахъ" и „мірскомъ невоздержаніи". Они могутъ быть поставлены рядомъ съ сѣтованіями князя Курбскаго о земскихъ нестроеніяхъ [3]). Подобныя „бесѣды" и „плачи", въ форму которыхъ облекались сѣтованія о современныхъ бѣдствіяхъ, были обычными въ тогдашней литературѣ, какъ напримѣръ „Плачъ Пскова" о своей погибели [4]),

---

[1]) Бесѣда преподобнаго Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ. Апокрифич. памятн. XVI вѣка изд. *В. Дружининымъ* и *М. Дьяконовымъ*, С.-Пб. 1890 г. (предисл.).

[2]) Боярская Дума, 304 и далѣе; Руководство къ русской церковной исторіи М. 1886, ст. 142.

[3]) Сказанія *Курбскаго*, 249. Въ подтвержденіе того, что „Бесѣда" писана въ болѣе ранній періодъ цар. Ивана Грознаго можно указать на выраженіе, имѣющее значеніе призыва къ власти, въ виду попущеній иноческому чину: „тако и достоитъ царю грозну бытии" (стр. 10, сравнить 30), выраженіе, которое не имѣло бы смысла потомъ. Другое мѣсто (стр. 27) показываетъ, что оно писано послѣ Стоглаваго собора. Слова „при послѣднемъ времени" (стр. 9, 13, 26, 28), имѣя опредѣленное значеніе, облечены въ апокалипсическую форму. „Простота" же царская заключается въ томъ, что цари несмысленно даютъ инокамъ села и крестьянъ (стр. 2, 8, 9, 10, 13, 25, 26, 28) и пользуются ихъ совѣтами, какъ видно изъ контекста. Бесѣда непосредственно примыкаетъ къ борьбѣ „заволжцевъ" съ „іосифлянами". Но любопытно, что въ нѣкоторыхъ спискахъ въ концѣ присоединенъ еще „Извѣтъ" (собственно обращеніе) Іосифа Волоцкаго великимъ князьямъ, въ подкрѣпленіе наставленій Сергія и Германа (31—32).

[4]) П. С. Р. Лѣт. IV, 287.

или „Слово пространно излагающе, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія“ Максима Грека [1]), въ которомъ Россія изображается въ видѣ „жены, сидящей при пути и горько стонущей и плачущей безъ утѣхи“—пріемъ, извѣстный въ византійской и западной письменности. Что же касается свидѣтельства Флетчера, то онъ, какъ опытный наблюдатель, указываетъ, что прекращеніе династіи произведетъ переворотъ въ странѣ (глава 5-я), что послѣдствія тираніи Ивана Грознаго такъ разстроили государство, что послѣднему, *повидимому*, угрожаетъ внутреннее потрясеніе (гл. 9-я); наконецъ, онъ говоритъ, что гнетъ народа такъ силенъ, что возстаніе становится неизбѣжнымъ и оно не можетъ не осуществиться, если недовольство это поддержано будетъ войскомъ, однако Флетчеръ прибавляетъ, что заговора между войскомъ и простымъ народомъ опасаться нельзя, а потому является желаніе, чтобы конецъ такому положенію вещей былъ положенъ вторженіемъ какой-нибудь иноземной державы (гл. 10-я). Свидѣтельство Флетчера, несомнѣнно, имѣетъ свою цѣну [2]); но его показанія придется въ извѣстной степени ограничить, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя изъ нихъ ближе всего касались бояръ, съ которыми ему приходилось преимущественно имѣть дѣло. Какъ извѣстно, Баторій полагалъ, на основаніи донесеній своихъ пословъ (Сапѣги и др.), что при означенномъ порядкѣ дѣлъ, весьма легко будетъ завоевать Московское государство, но уже Поссевинъ возражалъ противъ подобнаго плана, утверждая, что осуществить это предпріятіе гораздо будетъ труднѣе, чѣмъ кажется [3]). Послѣдствія смуты показали, что Поссевинъ не былъ такъ неправъ, какъ кажется на первый взглядъ [4]).

Авторъ видитъ два условія, благопріятствовавшія развитію общественнаго кризиса въ XVI столѣтія: 1) *политическое*, заключавшееся въ томъ, что (онъ выражается словами проф. Ключевскаго) „московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристокра-

---

[1]) Соч. *Максима Грека*, II, 319—337.

[2]) Тимоѳеевъ судилъ такъ уже по послѣдствіямъ смуты (Рус. Ист. Библ. XIII, 272).

[3]) *Pierling*, Papes et Tsars, 385. Сравни *С. М. Середонинъ*, Флетчеръ, стр. 95, 287; *С. В. Рождественскій*, Служилое землевладѣніе въ Москов. госуд. XVI в., стр. 131—134.

[4]) Въ противовѣсъ означенному плану можно указать на состояніе Польши, представленное въ „Мнѣніи польскаго шляхтича“ 1606 г., написанномъ для сейма и объясняющемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неудачи поляковъ въ Московіи въ смутное время (Матеріалы, изд. Кулишемъ, I, 33—45).

тической администраціи", а такой порядокъ вещей привелъ къ открытому столкновенію московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка, и 2) *соціальное*, состоявшее въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Оба условія въ своемъ обнаруженіи, во второй половинѣ XVI вѣка, и создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго было такъ называемое Смутное время (125—126).

Указавъ затѣмъ на патримоніальный характеръ власти московскаго государя, проникнутый вмѣстѣ съ тѣмъ чертами націонализма, авторъ далѣе останавливается на отношеніяхъ его къ боярству, въ которомъ онъ различаетъ двѣ рѣзко опредѣлившіяся группы: прежнее служилое боярство и потомковъ владѣтельныхъ отдѣльныхъ князей, которые заняли господствующее положеніе при дворѣ, подкрѣпленное сохраненіемъ за ними вотчинныхъ и державныхъ правъ [1]), *бояръ-княжатъ* [2]), которые не считали другихъ бояръ равными себѣ „по породѣ", такъ какъ они пошли „не отъ великихъ и неудѣльныхъ князей" (129—130) [3]). Впрочемъ, права эти значительно были поколеблены въ XVI вѣкѣ не только дѣйствіями и отношеніемъ къ нимъ верховной власти, но и церковной литературой, и общественными условіями, подрывавшими ихъ матеріальныя средства. Отношенія эти постепенно обострялись, пока, наконецъ, Грозный не рѣшился на государственный переворотъ, называемый *опричниною* (134—138).

Въ своемъ мнѣніи объ опричнинѣ авторъ примыкаетъ къ тѣмъ

---

[1]) Объ этихъ правахъ см. замѣчанія Градовскаго (Истор. мѣстн. управл., стр. 43) и Ключевскаго (Боярская Дума, 259,358). Областные судьи и таможенные головы присягали царю Ивану, царицѣ, царевичамъ Ивану и Ѳеодору и ихъ *землямъ*.

[2]) Терминъ, часто употребляемый Курбскимъ и вошедшій въ литературное обращеніе въ позднѣйшей постановкѣ этого вопроса (*Бестужевъ-Рюминъ*, Р. Исторія, II, 258—261; *Е. Бѣловъ*, Объ историч. значен. рус. боярства, С.-Пб. 1886; *Ключевскій*, Боярская Дума, гл. XI и XIV; *Дьяконовъ*, Власть Московскаго князя; *Середонинъ* (Флетчеръ), опираясь на Флетчера и Писцовыя книги, 91—94; *Кизеветтеръ*, Иванъ Грозный; *Рождественскій*, Служилое землевладѣніе,—съ особенною рѣзкостію выдвинули вопросъ, что Иванъ Грозный велъ борьбу не съ боярствомъ вообще, а съ потомствомъ удѣльныхъ князей).

[3]) Бестужевъ-Рюминъ, по поводу мнѣнія Бѣлова, замѣтилъ: „Все это требуетъ новыхъ изысканій и можетъ повести къ важнымъ результатамъ" (стр. 262, примѣч. 119).

изслѣдователямъ (Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ и др.), которые не видятъ въ ней исключительно сыскнаго или высшаго полицейскаго учрежденія, но находятъ извѣстный *политическій смыслъ*, а именно, что опричнина была направлена главнымъ образомъ противъ потомства удѣльныхъ князей и имѣла цѣлью сломить ихъ традиціонныя права и преимущества. Первоначальный объемъ ея территоріи, опредѣленный въ 1565 г., въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1572 г. опричнина стала называться дворомъ) постепенно охватилъ *до половины* всего государства (141 — 151), по замѣчанію автора. Въ составъ ея входили дворцовыя, вотчинныя, помѣстныя земли, монастырскія и другія волости (148). Въ центральныхъ областяхъ для опричнины были отдѣлены тѣ мѣстности, гдѣ еще на старыхъ удѣльныхъ территоріяхъ существовало землевладѣніе потомковъ владѣтельныхъ князей. Постепенно опричнина включила въ кругъ своего вѣдѣнія вотчины князей Ярославскихъ, Бѣлозерскихъ, Ростовскихъ, Стародубскихъ, Суздальскихъ, Черниговскихъ и другихъ юго-западныхъ. Землевладѣніе въ нихъ подвергалось пересмотру, а земли мѣняли своихъ владѣльцевъ [1]), если послѣдніе не становились опричниками (144). Собственно только окраины государства остались внѣ означенной передѣлки (151). Авторъ впервые поставилъ этотъ вопросъ въ такомъ широкомъ значеніи, присоединивъ и карту намѣченной имъ территоріи (стр. 143). Въ связи съ указаннымъ передѣломъ стояли весьма крупныя финансовыя мѣропріятія: поступалъ ли въ вѣдѣніе опричнины монастырь или городъ (какъ Торговая сторона Новгорода), они обязаны были вносить въ нее „всякія подати", „дани" и „оброки"; а въ опричнину попали всѣ главные торговые пути (148—149) съ большею частью городовъ на нихъ стоящихъ (Вологда, Тотьма, Устюгъ, Сольвычегодскъ, Холмогоры, Архангельскій городъ, Важская земля, Каргополь), всѣ пути, ведшіе изъ Москвы къ Балтійскому морю, до Литвы, среднее теченіе Волги; но мало интересные въ этомъ отношеніи окраинные города, пограничныя сѣверскія мѣста и пути на югъ, въ степь, были оставлены внѣ круга ея дѣйствія (150).

Представивъ общую картину земельнаго и экономическаго переворота, связаннаго съ опричниною, авторъ оспариваетъ обычное

---

[1]) „Перебрать бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и дворовыхъ людишекъ", какъ выразился Грозный въ челобитной на имя великаго кн. Симеона Бекбулатовича, 1575 г., отъ Ивана Васильевича Московскаго и дѣтей его (Записки Русск. Арх. Общ. по славяно-русскому отдѣленію, т. II, 371—372).

мнѣніе о выдѣленіи ея изъ государства (С. М. Соловьевъ)[1]. Уничтожая аристократическій строй служилаго землевладѣнія, опричнина была направлена въ сущности противъ тѣхъ сторонъ государственнаго порядка, которыя поддерживали и терпѣли такой строй. Переводя области въ опричнину, Иванъ Грозный не выдумывалъ для управленія ими ни новыхъ формъ, ни новаго типа учрежденій; онъ только поручалъ ихъ управленіе особымъ лицамъ, „изъ двора", которые дѣйствовали рядомъ и вмѣстѣ съ лицами изъ „земскаго" управленія. Авторъ въ особенности настаиваетъ на той мысли, что старый административный механизмъ не былъ разрушенъ опричниною, при чемъ онъ пытается набросать порядокъ веденія дѣлъ при совмѣстномъ дѣйствіи обѣихъ сторонъ въ сферѣ высшаго областнаго и военнаго управленія: „при единствѣ присутственныхъ мѣстъ существовалъ двоякій служебный штатъ", говоритъ г. Платоновъ (153—157)[2]. Вполнѣ естественно, что покровительство и выгоды тянули интересовавшихся ими лицъ (какъ англичанъ и Строгановыхъ) подъ защиту опричнины (149); но на „посаженіе" великаго кн. Симеона Бекбулатовича авторъ смотритъ лишь какъ на какую-то игру, причуду. Симеону принадлежала одна тѣнь власти, говоритъ онъ, иностранцамъ его даже не показывали (157). Постараемся дать нѣкоторыя объясненія.

Хотя Иванъ Грозный боролся съ остатками удѣльнаго порядка и его представителями, однако самъ онъ не могъ вполнѣ освободиться отъ условій времени. Своимъ сыновьямъ онъ назначилъ удѣлы, и самая опричнина, какъ извѣстное учрежденіе, представляется такимъ же удѣломъ[3]. Въ

---

[1]) Еще Кавелинъ старался объяснить „учрежденіе, оклеветанное современниками и непонятое потомствомъ", не желаніемъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, отдѣлиться отъ русской земли, противопоставить себя ей... (Сочин. I, 362 — 363).

[2]) Вѣрнѣе, что въ этой двойственности органовъ, дѣйствующихъ совмѣстно, выражается надзоръ, наблюденіе. Судъ въ опричнинѣ и „земщинѣ" раздѣляется (Акты Арх. Экспед. I, 319 — 320). Финансовая сторона опричнины выступаетъ ясно въ ея уставѣ, изложенномъ въ лѣтописи Александро-Невской (Русск. истор. Библіот. III, 255—58): „имати всякіе доходы на его государевъ обиходъ и жаловать бояръ, дворянъ и всякихъ его государевыхъ дворовыхъ людей..., а съ которыхъ городовъ и волостей доходу не достанетъ на его государевый обиходъ, и иные города и волости имати". Въ завѣщаніи Иванъ Грозный предоставляетъ сыновьямъ сохранить опричнину или нѣтъ (Дополн. къ акт. историч. I, № 222), *„какъ имъ прибыльнѣе*, а образецъ имъ учиненъ готовъ".

[3]) При сведеніи царя Шуйскаго съ престола ему предлагали „въ удѣлъ Нижній-Новгородъ" (Изборн. Попова, 346).

завѣщаніяхъ князей подъ *опричниной* обыкновенно разумѣются земли, отданныя княгинямъ-вдовамъ не въ пожизненное владѣніе, а въ полную собственность [1]); и замѣна впослѣдствіи термина „опричнина"— „дворомъ" была выраженіемъ ея дѣйствительнаго характера, какъ учрежденія [2]). Поэтому земщина продолжаетъ сохранять свое значеніе. По словамъ Таубе и Крузе, Иванъ Грозный хотѣлъ, чтобы меньшій сынъ его наслѣдовалъ опричнину, а старшій земщину, и назначеніе бояръ, стоявшихъ во главѣ послѣдней, свидѣтельствуетъ о такомъ положеніи земщины (Платоновъ, 192—193). Но если опричнина не была одной затѣей Ивана Грознаго, а имѣла извѣстное политическое значеніе (тамъ же 139, 140, 145, 156), то и назначеніе Симеона, поставленнаго во главѣ земщины, какъ лица, принадлежавшаго къ высшей служебной іерархіи, связаннаго знатнымъ родствомъ, считавшагося опаснымъ соперникомъ на московскій престолъ (отъ Бориса Годунова до Шуйскаго включительно) [3]), не могло быть ничего не значащимъ фактомъ. Притомъ назначеніе Симеона стоитъ въ связи съ подозрѣніями Ивана Грознаго противъ князя И. Ѳ. Мстиславскаго [4]). Понятно, что онъ хотѣлъ поставить во главѣ государства человѣка съ вѣсомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стоявшаго внѣ круга боярскихъ отношеній.

Признавая въ показаніяхъ Курбскаго и иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, много „вѣроподобнаго" о гоненіяхъ и жестокостяхъ Грознаго, авторъ далѣе говоритъ: „Но намъ кажется, что сцены звѣрства и разврата, всѣхъ ужасавшія и вмѣстѣ съ тѣмъ занимавшія, были какъ бы грязною пѣною, которая кипѣла на поверхности опричной жизни, закрывая будничную работу, происходившую въ ея глубинахъ. Современники замѣтили только результаты этой дѣятельности—разгромъ княжескаго землевладѣнія: Курбскій страстно упрекалъ за него Грознаго, говоря, что царь губилъ княжатъ ради вот-

---

[1]) *Чичеринъ*, Опытъ по исторіи русскаго права, 262—263.

[2]) *Ключевскій*, Боярская Дума, 348—349.

[3]) Уже въ концѣ Смуты, кандидатами на московскій престолъ продолжали считаться и „царевичи, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ" (Дворц. Разряды, I, 13; Собр. госуд. грам. I, 613).

[4]) *Соловьевъ*, VI, 240.

Подобно кн. Курбскому, писавшему о царскихъ дѣлахъ еще въ Россіи (*Москвитян.* 1843, № 9), И. Ѳ. Мстиславскій любилъ размышлять о современныхъ дѣлахъ, велъ записки (отъ прежнихъ лѣтъ) и сообщилъ свои замѣчанія о состояніи и управленіи государствомъ Горсею, который считалъ ихъ весьма полезными въ сношеніяхъ своихъ съ русскими.

чинъ, стяжаній и скарбовъ. Флетчеръ (гл. 9) говоритъ, что Грозный, учредивъ опричнину, захватилъ ихъ наслѣдственныя земли, за исключеніемъ весьма незначительной доли, и далъ княжатамъ другія земли въ видѣ помѣстій, которыми они владѣютъ, пока угодно царю, въ областяхъ столь отдаленныхъ, что тамъ они не имѣютъ ни любви народной, ни вліянія, ибо они (152—153) не тамъ родились и не были тамъ извѣстны [1]). Теперь высшая знать, замѣчаетъ Флетчеръ, называемая удѣльными князьями, сравнена съ остальными; только лишь въ сознаніи и чувствѣ народномъ сохраняетъ она нѣкоторое значеніе и до сихъ поръ пользуется внѣшнимъ почетомъ въ торжественныхъ собраніяхъ (153, 146—147). Авторъ вполнѣ примыкаетъ къ этому свидѣтельству и подтверждаетъ его слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Если вспомнимъ, говоритъ онъ, что рядомъ съ этимъ земельнымъ перемѣщеніемъ шли опалы, ссылки, казни, обращенныя прежде всего на тѣхъ же княжатъ, то увѣримся, что въ опричнинѣ произошелъ полный разгромъ удѣльной аристократіи. Правда, она не была истреблена всеродно, поголовно, врядъ-ли это и входило въ политику Грознаго, какъ склонны думать нѣкоторые ученые. Но составъ ея значительно порѣдѣлъ, и спаслись отъ гибели только тѣ, которые умѣли показаться Грозному политически безвредными, какъ Мстиславскій съ его зятемъ, великимъ княземъ Симеономъ Бекбулатовичемъ, или же умѣли, какъ нѣкоторые князья—Скопины, Шуйскіе, Пронскіе, Сицкіе, Трубецкіе, Темкины—заслужить честь быть принятыми на службу въ опричнину. Политическое значеніе класса было безповоротно уничтожено, и въ этомъ заключался успѣхъ политики Грознаго. Тотчасъ послѣ смерти его сбылось то, что при немъ такъ боялись бояре-княжата: ими стали владѣть Захарьины да Годуновы“ (157—158, 183—185).

Переворотъ, совершенный въ землевладѣніи испомѣщеніемъ тысячи служилыхъ людей около Москвы еще въ 1550 г. (144), и замѣна однихъ владѣльцевъ другими въ эпоху опричнины усилили зе-

---

[1]) Мѣсто это въ томъ же смыслѣ объяснялъ и Бестужевъ-Рюминъ (II, 261), сближая его съ указомъ 1562 г. (ср. Акты историч., № 154, стр. 268, статья XVIII) и давая ему дальнѣйшее политическое значеніе (ср. *Градовскій,* Исторія мѣстнаго управленія, 43—44; Христоматія Владимірскаго-Буданова, Ш, 31—32, примѣч.). С. М. Середонинъ подкрѣпляетъ свидѣтельство Флетчера цѣлымъ рядомъ данныхъ, заимствованныхъ изъ Писцовыхъ книгъ, которыя показываютъ, что результатъ политики Грознаго былъ положительный... „Всѣ интриги боярскія последующаго времени были неизбѣжной реакціей“ (87—92).

мельную мобилизацію, сдѣлали ее тревожною и безпорядочною и должны были вызвать неудовольствіе не только среди землевладѣльцевъ, но и крестьянъ; а запутанность земельныхъ отношеній, недостатокъ земли въ центральныхъ мѣстностяхъ (Флетчеръ и Писцовыя книги) и присоединеніе обширныхъ областей на сѣверо-востокѣ, въ свою очередь вызывали усиленную колонизацію и переселенія (163—168)[1]. Правительство съ своей стороны обратило вниманіе на этотъ кризисъ и старалось противодѣйствовать ему цѣлымъ рядомъ мѣръ, каковы: запрещеніе (1572, 1580) передавать служилыя земли во владѣніе духовенства; отмѣна (1584) податныхъ льготъ (тарханы= болѣе половины всѣхъ воздѣланныхъ земель, при запустѣніи 2/3 служилыхъ земель) въ церковныхъ вотчинахъ; запрещеніе принимать закладниковъ и держать слугъ безъ крѣпостей; ограниченіе крестьянскаго перевоза; перепись крестьянскаго населенія въ книгахъ (1592—1593), въ интересахъ правильнаго отбыванія службы и повинностей; наконецъ, указы 1597, 1601 и 1602 годовъ, относящіеся непосредственно къ закрѣпленію крестьянъ на мѣстахъ ихъ жительства, къ уничтоженію перехода. При этомъ авторъ справедливо замѣчаетъ, что „не законъ отмѣнилъ старый порядокъ выхода, а крестьянская нужда привязывала крестьянъ къ извѣстной осѣдлости“ (169—170, 172, 175). Въ этихъ условіяхъ авторъ и находитъ *соціальныя* причины, благопріятствовавшія смутѣ (185—186).

Соглашаясь съ общею постановкою вопроса, мы должны, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Еще раньше значительная часть ростовскихъ вотчинъ подверглась продажѣ и раздачѣ въ монастыри, мѣнѣ и т. п. Тѣмъ не менѣе существованіе родовыхъ вотчинъ этихъ князей подтверждается свидѣтельствами семидесятыхъ годовъ XVI и первой четверти XVII столѣтій; а нѣкоторые изъ князей Ярославскихъ владѣли въ Ярославской и сосѣднихъ областяхъ вплоть до XVII столѣтія и въ Переяславскомъ уѣздѣ[2], даже послѣ того, какъ Переяславль былъ взятъ въ опричнину (Платоновъ, 151). Но любопытенъ въ этомъ случаѣ взглядъ Ивана Грознаго на положеніе вотчинъ князей Ярославскихъ, о которыхъ столь категорически выражается князь Курбскій: „понеже имѣли вотчины великія мню, негли

---

[1]) Это массовое движеніе населенія мы можемъ отчасти объяснить сравненіемъ съ современнымъ намъ переселенческимъ движеніемъ, въ основаніи котораго также лежитъ исканіе „новой земли“.

[2]) *С. В. Рождественскій*, Служилое землевлад. въ Моск. госуд. XVI вѣка. Сб. 1897, стр. 150—151, 167—171.

изъ того ихъ погубилъ“ [1]). Въ завѣщанiи Ивана IV читаемъ: „а которые есьми вотчины поималъ у князей Ярославскихъ, и тѣ вотчины сыну моему Өедору, а сынъ мой Өедоръ въ томъ воленъ, *хощетъ тѣ вотчины за собою держать, хощетъ онъ отдать;* а у которыхъ князей Ярославскихъ ихъ вотчинъ *неималъ*, а сынъ мой Өедоръ тѣхъ вотчинъ *не отнимаетъ* у нихъ и у женъ ихъ и у дѣтей ихъ, а отъѣдутъ къ сыну моему Ивану или инуды куды нибудь, а тѣ вотчины сыну моему Өедору“ [2]). Точно также вотчины князей Стародубскихъ (съ ихъ развѣтвленiями) оказываются или переданными монастырямъ или въ полномъ ихъ обладанiи въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣковъ [3]). Въ предѣлахъ Суздальщины, находившейся въ опричнинѣ (Платоновъ, 156), мы видимъ князей Горбатыхъ, часть вотчинъ которыхъ сохраняется и въ концѣ XVI вѣка, не говоря уже о другихъ Шуйскихъ и Скопиныхъ-Шуйскихъ, оставшихся не тронутыми [4]). Въ своемъ завѣщанiи [5]) Иванъ Грозный оставляетъ вотчины за князьями Одоевскими, Оболенскими, Воротынскими, Трубецкими, Масальскими, хотя въ эпоху казней погибло не мало князей черниговскаго рода, а послѣдующiя данныя (писцовыя книги и другiе документы) позволяютъ говорить о значительныхъ родовыхъ ихъ владѣнiяхъ въ томъ же краѣ [6]) и утверждать, что традицiя родоваго землевладѣнiя не только не умерла въ XVI вѣкѣ, но пережила даже наиболѣе критическую эпоху, время Грознаго, и перешла за предѣлы означеннаго столѣтiя [7]).

Еще Герберштейнъ отмѣтилъ, что московское правительство лишаетъ удѣльныхъ князей ихъ столицъ и крѣпостей [8]); но за ними сохраняются ихъ вотчины. Служба опредѣляла дальнѣйшую судьбу княжескихъ фамилiй и ихъ землевладѣнiя [9]), при чемъ послѣднiя пре-

[1]) Сказанiя, 96—97.

[2]) Дополн. къ Акт. историч., I, 388.

[3]) *Рождественскiй*, 173—181.

[4]) Ibid. 181—184.

[5]) Дополн. къ Акт. историч. I, № 222.

[6]) *Рождественскiй*, 200—204, 207—208.

[7]) Ibid. 188.

[8]) Изданiе *Анонимова*, 26.

[9]) Одна запись о придворномъ чинѣ, нач. XVII в., такъ говоритъ объ обязанностяхъ этой службы: „Повинность бояромъ и окольничимъ, и дьякомъ думнымъ: быти всегда на Москвѣ, при государѣ безотступно, и засѣдать въ Полатѣ, думати о всякихъ дѣлѣхъ, о чемъ государь роскажетъ и что царству Московскому належать будетъ“ и т. д. (Акты историч., II, № 355, с. 422). Бытовая сторона этой картины изображена въ соч. *И. Е. Забѣлина* (Бытъ русскихъ царей, глава 3-я).

имущественно группируются около Москвы, как политическаго центра. Наиболѣе рельефнымъ фактомъ является здѣсь испомѣщеніе около сотни сѣверо-восточныхъ князей, переведенныхъ изъ провинцій въ составъ столичнаго дворянства въ 1550 г. и получившихъ подмосковныя помѣстья по тремъ статьямъ [1]). При этомъ происходитъ постоянный приливъ и отливъ этого (какъ равно и другихъ) класса служилаго сословія, влекшіе за собою полученіе и утрату помѣстнаго надѣла; между тѣмъ какъ ихъ родовыя вотчины продолжали, по разнымъ религіознымъ и экономическимъ причинамъ, дробиться и ускользать изъ ихъ рукъ даже въ XVI стол., вопреки указамъ 1551, 1562 и 1572 г. [2]). Духъ времени на столько имѣлъ силу въ данномъ случаѣ, вопреки законамъ, что вотчины отдавались иногда монастырямъ въ полномъ сознаніи нарушенія постановленій, но съ сознаніемъ своей нравственной правоты. Все это даетъ право нѣкоторымъ сомнѣваться въ блестящемъ успѣхѣ поземельной политики Ивана Грознаго [3]).

Независимо отъ того, есть основаніе полагать, что мобилизація поземельной собственности въ царствованіе Грознаго (какъ и его предшественниковъ) должна была служить не всегда политическимъ расчетамъ, но въ значительной степени служилымъ цѣлямъ, а въ эпоху опричнины и финансовымъ, какъ полагаетъ и нашъ авторъ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ рядъ примѣровъ, что вотчины, взятыя въ опричнину, спустя нѣсколько лѣтъ возвращались (1565—76 и къ концу столѣтія) прежнимъ владѣльцамъ и монастырямъ и поступали снова въ земщину,—примѣровъ, приведенныхъ и авторомъ, но о которыхъ онъ выражается такъ: „Не умѣемъ истолковать, что значитъ возвратъ въ земщину и старымъ владѣльцамъ нѣкоторыхъ земель, взятыхъ въ опричнину“ (586, прим. 29). Можетъ быть, здѣсь имѣла мѣсто и обычная конфискація, какъ результатъ опалы и казни, или просто кары за извѣстныя преступленія, которымъ подвергались и не одни князья или бояре [4]). Финансовая сторона „опричнины“ ясно выступаетъ въ тѣхъ экономическихъ соображеніяхъ, которыми

---

[1]) Опис. докум. и бум. Арх. Мин. Юст., VIII, 209—218 (Алфав. къ Тысячной книгѣ).

[2]) *Рождественскій*, 168—170, 188—190, 192—194, 199, 204—205, 207.— Кромѣ того, указываютъ на разорительность самой помѣстной системы, которая пріучала служилый людъ къ кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству и понижала техническій уровень сельскихъ производствъ (*Рожковъ*, 450).

[3]) *Р—кій*, 116—117, 170, 174, 179—180.

[4]) Ibid., 134—135.

руководилось правительство Грознаго въ выборѣ мѣстъ и путей, отошедшихъ въ ея вѣдѣніе, при чемъ новый порядокъ иногда наступалъ только по окончаніи прежнихъ льготъ и привилегій [1]). Постановленія соборовъ 1580—1584 г. и ревизіи вотчинныхъ правъ монастырей конца XVI стол. являются продолженіемъ той же земельной политики правительства [2]).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ указываетъ, что подъ конецъ царствованія Грознаго въ приближеніи къ нему были какъ бояре изъ „земщины" (кн. И. Ѳ. Мстиславскій и Н. Р. Юрьевъ), такъ и изъ опричнины (Б. Я. Бѣльскій, Годуновы) и въ томъ числѣ Шуйскіе съ ихъ родственниками (192—193), повидимому, смирившіеся въ эпоху этой послѣдней, хотя продолжавшіе считать свои политическія права даже выше правъ Московскаго дома (274) [3]).

Принявъ во вниманіе приведенныя выше соображенія, придется, конечно, значительно ограничить территорію „опричнаго двора", намѣченную авторомъ, и допустить въ ней такую же „чрезполосицу", какая встрѣчалась и въ удѣлахъ, учрежденныхъ по духовнымъ грамотамъ предками Грознаго своимъ дѣтямъ [4]).

---

[1]) Дополн. къ Акт. историч., I, 172. Изъ Приправочной книги Моск. уѣзда 1596 г. видно, что въ Горетовомъ станѣ считалось въ помѣстномъ и вотчинномъ владѣніи 5780 четвер. пахотн. земли, и помѣстныя земли состояли изъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, отобранныхъ царемъ у старыхъ бояръ и служилыхъ людей и пожалованныхъ новымъ; порожнихъ и оброчныхъ земель, находившихся въ вѣдѣніи правительства, образовавшихся изъ отобранныхъ имѣній, 8639 четв. пахотн. земли, изъ которыхъ 2242 четв. отдавались въ оброчное содержаніе, составляя ежегодный доходъ казны. Остальная часть составляла запасный фондъ для награжденія за службу и для отдачи въ оброкъ. Наконецъ 9422 четв. составляли монастырскія и церковныя владѣнія (Врем. Моск. Общ. ист., XIII, стр. VI—VII).

[2]) *Рождественскій*, Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI в. (*Ж. М. Н. Пр.* 1895, № 5, с. 70—83); *Павловъ*, Очеркъ секуляриз., Од. 1871.

Любопытныя данныя представляютъ Писцовыя книги 7101 и 7102 гг. объ отпискѣ на государя нѣкоторыхъ вотчинъ Троицкаго-Сергіева мон-ря, не подкрѣпленныхъ необходимыми документами (Писцовыя книги, изд. Имп. Геогр. Общ. ч. I. Предисловіе, составл. Н. Д. Чечулинымъ, Спб. 1895, стр. XLIII—XLV). Такой же конфискаціи подвергались и вотчины Спасо-Евфиміевскаго мон-ря (*Рождественскій*, ibid., 81).

[3]) Замѣтимъ, что измѣны Шуйскихъ долго помнились въ правительственной средѣ (Родъ Шереметевыхъ, II, 89; Сказанія иностранцевъ о Д. Самозванцѣ, I, 316—317).

[4]) *В. О. Ключевскій*, Боярская Дума, 347—348; *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, I, 135.

Съ другой стороны, въ интересахъ всесторонняго изученія разсматриваемыхъ явленій, не лишне было бы прослѣдить здѣсь рядъ другихъ мѣръ царствованія Ивана Грознаго, тѣсно связанныхъ съ указанными отношеніями и касавшихся боярства и служилаго класса [1]), мѣстнаго управленія и суда—реформа, хотя и дорого стоившая, по замѣчанію нѣкоторыхъ, а потому и мало имѣвшая значенія [2]), но привившаяся на дѣлѣ [3]) и оставившая по себѣ даже добрую память [4]). И самъ авторъ въ разныхъ мѣстахъ своей книги придаетъ указаннымъ учрежденіямъ большое значеніе въ развитіи „самодѣятельности тяглыхъ міровъ“ въ предѣлахъ Поморья (24—25, 50—51).

---

[1]) Собр. госуд. грам. I, № 192; Времен. М. О. Ист., III, 43—46, 50; ср. *Соловьевъ*, 221; VII, 247; Думное дворянство въ Боярской думѣ XVI стол., Н. *П. Лихачева* (Сборникъ Археологич. Института, т. VI; ср. Археологич. Извѣстія 1895. № 5, ст. 169—170). Замѣчаніе о кормленіи (*Ключевскій*, Составъ представительства на земскихъ соборахъ, *Русская Мысль*, 1892, I, 152—166). „Самыя крупныя законодательныя мѣры XVI вѣка были прямо или косвенно связаны съ этою двойною реформою земскою и военною“. Любопытно, что лѣтописецъ соединяетъ приговоръ о кормленіяхъ съ введеніемъ уставныхъ грамотъ (Чт. М. О. Ист. 1895, III, 52—54).

[2]) *Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, 46—47. „Введеніе самоуправленія было слѣдовательно финансовой мѣрой, придуманной для того, чтобы уменьшить богатство крестьянъ, увеличивъ въ то же время налоги“. Ср. также его „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи“ (стр. 173) и замѣчаніе г. Рожкова (365—366).

Какъ извѣстно, магдебургское право доставалось городамъ не безвозмездно и дорого стоило (соч. Кавелина, 1, 465).

[3]) „А до 121 г. при боярѣхъ и при ц. Василіѣ (Шуйскомъ) въ тѣхъ городахъ *воеводы* были жъ; а при ц. Ѳеодорѣ Ивановичѣ и при ц. Борисѣ по 113 г. по Ростригинъ приходъ въ тѣхъ городахъ воеводъ не было; а были въ нихъ судьи и губные старосты и городовые прикащики“ (Врем. М. О. И. III, 6—8; IV, 32—52). Ср. Проток. Арх. ком. III, 98; П. С. Р. Лѣт., IV, 306; Вкладная книга ростов. Борисоглѣбск. мон., изд. А. А. Титовымъ (стр. 18), Яросл. 1881; Акты историч., I, №№ 178 и 179; Губныя земскія грам. Моск. государства С. Шумакова (Чт. М. О. Ист. 1895, III, особенно стр. 31, 38, 52—55, 96; ср. *Владимірскій-Будановъ*, I, 162—164). Слѣды уставныхъ грамотъ въ писцов. книгахъ Псковскихъ пригородовъ (Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. по отд. славян. и и русск. археол. т. IX, С.-Пб. 1897, 309—312). Впрочемъ, В. Шуйскій подтверждалъ грамоты Грознаго посадскимъ людямъ и крестьянамъ, которыми устанавливалось самоуправленіе (*Соловьевъ*, VIII, 324—325).

[4]) *Платоновъ*, 178; *Соловьевъ*, IX, 396, 397 (просьбы мѣстныхъ общинъ 1614 и 1627—объ утвержденіи тѣхъ же правъ). Въ 1613 г. ц. Михаилъ Ѳеодоровичъ постановилъ о княженецкихъ и монастырскихъ вотчинахъ слѣдовать указамъ ц. Ивана Грознаго (у автора, 569 и Акты, изд. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, I, 284).

Все это даетъ право нѣкоторымъ изъ нашихъ изслѣдователей заключать, что „самоуправленіе общинъ, энергически введенное Иваномъ Грознымъ, имѣло не только характеръ финансовой или административной мѣры, но и высокое политическое значеніе.... Она разрознила тѣ политическіе организмы, которые постепенно входили въ составъ государства столько же, сколько и всѣ насильственныя мѣры, къ которымъ прибѣгало правительство по отношенію къ завоеваннымъ странамъ. Въ удѣлахъ не завоеванныхъ, а присоединенныхъ къ Москвѣ, вслѣдствіе вымиранія княжескихъ родовъ и добровольной уступки ими своихъ владѣній московскому государю, эта политика только довершила процессъ всеобщаго тяготѣнія къ Москвѣ, издавна начавшійся во всѣхъ удѣлахъ Великой Россіи“ [1]). Поэтому Флетчеръ, не пощадившій красокъ на изображеніе тираніи Ивана Грознаго, между прочимъ о немъ отзывается, какъ о человѣкѣ „высокаго ума“ и „въ своемъ родѣ тонкомъ политикѣ“ (гл. 9-ая [2]).

Допустивъ весьма широкій районъ для территоріи опричнины, авторъ заключаетъ, что вліяніе ея въ дѣлѣ мобилизаціи земельной собственности было весьма значительно. Московская конфискація и секуляризація вотчинъ въ опричнинѣ, массовое передвиженіе служилыхъ землевладѣльцевъ, обращеніе въ частное владѣніе дворцовыхъ и черныхъ земель—все это имѣло характеръ бурнаго переворота въ области земельныхъ отношеній и неизбѣжно должно было вызывать очень опредѣленное чувство неудовольствія и страха въ населеніи (159). Къ сожалѣнію, авторъ не счелъ нужнымъ привести данныя, подтверждающія этотъ общій выводъ; а, представивъ нѣсколько выше показанія Полоцкихъ писцовыхъ книгъ 1571 г., онъ замѣчаетъ: „У насъ мало столь выразительныхъ образчиковъ того вліянія, какое оказывала опричнина на оборотъ земель въ служиломъ центрѣ и на военныхъ окраинахъ государства. Но нельзя со-

---

[1]) *Градовскій*, Ист. мѣстн. управленія, 215; ср. 341—342.

[2]) И русскіе современники, вникавшіе въ смыслъ событій, называли царя Ивана „Титъ—широкій умъ“ (*Карамзинъ*, VII, пр. 308). Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ о немъ говоритъ: „онъ же *толикій въ мудрости*, никимъ побѣжденъ бысть, развѣ слабостію своея совѣсти“ (Рус. Ист. Библ., XIII, 272). Въ Россіи, говоритъ Паерле (современникъ Смуты), по смерти сего государя, его называли „великимъ“ (Сказ. иностранц. о Д. Самозванцѣ, I, 153). А Коллинсъ (при Алексѣѣ Михайловичѣ) утверждаетъ, что „Иванъ Васильевичъ былъ любимъ народомъ, потому что съ нимъ обходился хорошо, но жестоко поступалъ съ своими боярами“ (*Коллинсъ*, Состояніе Россіи, гл. 10-я). Въ народныхъ пѣсняхъ особенно отмѣчаются его побѣды (Казань) и борьба съ измѣною.

мнѣваться, что это вліяніе было очень велико. Оно усилило земельную мобилизацію и сдѣлало ее тревожною и безпорядочною". (Ibid).

Нѣсколько долѣе останавливается авторъ (стр. 160—180) на *соціальномъ* противорѣчіи въ московской жизни, которое выражалось въ систематическомъ подчиненіи интересовъ рабочей массы интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, жившихъ на счетъ этой массы, что привело къ массовымъ передвиженіямъ и запустѣнію земли (160—161). Писцовыя книги и лѣтописи того времени объясняютъ сильное запустѣніе центральныхъ и южныхъ областей государства, главнымъ образомъ, татарскимъ набѣгомъ 1571 г., а отчасти моровымъ повѣтріемъ и хлѣбнымъ недородомъ. Но это были, по мнѣнію автора, второстепенныя и позднѣйшія причины, главная же причина заключалась въ потерѣ земли (167). Вотъ какъ формулируетъ онъ свои положенія.

„Счастливыя войны половины XVI вѣка передали въ обладаніе правительства громадныя пространства плодородныхъ земель, которыя предстояло заселить и укрѣпить. Явилась необходимость увеличить численный составъ служилаго класса на новыхъ рубежахъ, а по условіямъ хозяйственнаго быта главнымъ обезпеченіемъ должна была служить земля и крестьянскій обязанный трудъ. Правительство, не располагая другими средствами, обращаетъ площади населенной земли въ обладаніе служилыхъ людей, вслѣдствіе чего податныя общины, сидѣвшія на ней, или вовсе распадаются, или теряютъ права самостоятельнаго владѣнія и пользованія землей и стремятся къ выходу изъ частной зависимости на новыя земли. Политическія же условія, при которыхъ происходитъ передача этихъ земель, въ высшей степени обостряютъ означенный процессъ. Къ этому присоединяются неурожаи, эпидеміи, набѣги татаръ, усиливающіе выселеніе и бѣгство крестьянъ. Большая половина служилыхъ земель вокругъ Москвы пустѣетъ, и частное владѣніе вступаетъ въ тяжелый кризисъ. Между частными хозяйствами происходитъ ожесточенная борьба за рабочія руки, доходящая до грубыхъ насилій, а общій успѣхъ въ этой борьбѣ достается на долю крупнаго и льготнаго по своему положенію землевладѣнія, церковнаго и боярскаго. Потеря земель въ свою очередь ожесточаетъ тяглое населеніе, и его недовольство направляется на всѣхъ землевладѣльцевъ и на государственный порядокъ вообще. Населеніе это, давшее значительный контингентъ казачеству на Дону, нашло потомъ въ немъ дѣятельную поддержку. Между тѣмъ, какъ зажиточныя и хорошо организованныя податныя

общины сѣвера (Поморья) оставались самостоятельными и сохранили за собою непосредственныя отношенія къ правительству черезъ выборныхъ своихъ властей, въ южной половинѣ государства тяглое населеніе черныхъ и дворцовыхъ волостей было обращено въ частную зависимость, а посадская община изнурялась и исчезла отъ наплыва въ города ратныхъ людей и дѣтей боярскихъ съ ихъ дворнею и крестьянами. Въ сѣверныхъ волостяхъ населеніе держалось на мѣстахъ, на югѣ—оно стало брести врозь, уходя изъ государства, съ государева тягла и съ господской пашни, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно уносило съ родины чувство глубокаго недовольства и вражды къ тому общественному строю, который постепенно лишалъ ихъ земли и свободы" (181—183, 186).

Намъ кажется, что не одни указанныя условія являлись и служили главными причинами намѣченнаго выше экономическаго кризиса страны. Показанія современниковъ имѣютъ свою несомнѣнную цѣну. И едва-ли не главную роль здѣсь прежде всего играли истощеніе почвы въ центральныхъ областяхъ и условія, благопріятствовавшія непрерывной колонизаціи страны. Герберштейнъ, а за нимъ и другіе иностранцы говорятъ объ обширныхъ лѣсахъ, тянувшихся на пространствѣ московской территоріи; а въ актахъ XIV, XV и даже XVI столѣтія, касавшихся земельныхъ отношеній, мы постоянно встрѣчаемъ выраженія, указывающія на очистку почвы отъ лѣса [1]; между тѣмъ хозяйство древней Руси было по преимуществу экстенсивнымъ, и уже въ XVI вѣкѣ почва московскаго центра представляется значительно истощенною. Въ такомъ случаѣ обыкновенно старую землю забрасывали и распахивали новую; но также часто, спустя иногда нѣсколько лѣтъ, снова возвращались на прежнія жилища, чтобы приняться за ту же работу [2]. „Рѣдко найдешь деревню, писалъ уже въ XVIII столѣтіи Лепехинъ, гдѣ бы крестьяне почитали себя довольными пахотною землею, но вездѣ жалуются на недостатокъ оной; хотя нерѣдко передъ глазами ихъ лежатъ обширныя

---

[1]) Юридич. акты, 29 и др.

Щаповъ, Истор. географ. распред. русскаго народонаселенія (*Рус. Слово*, 1864, № 8, стр. 19). Объ истощеніи почвы Новгородской области (тамъ же, № 9, стр. 96).

[2]) „Да пошелъ, господине, тотъ Данило Кухмыревъ съ братьею въ той деревнѣ на Деревищахъ лѣтъ съ пять, да и ту деревню покинули, потому что имъ не почасилось и та деревня стояла пусто лѣтъ съ 25, и хоромы, господине, развалились, да и погнили" (Времен. М. О. И., кн. XVIII, 53).

мѣста, годныя ко всякому плодородію. Я разумѣю болотистыя мѣста, которыя небольшимъ трудомъ изсушить можно... Вмѣсто того употребляютъ крестьяне другой родъ распространенія пашенъ, который *новиною* называютъ.... Такого распространенія пашни во многихъ мѣстахъ находились сожалительные остатки; ибо кромѣ мѣста, которое себѣ крестьянинъ назначилъ подъ пашню, нерѣдко обширныя палестины выгораютъ лѣса“ [1]). Благодаря этимъ условіямъ, съ одной стороны неизбѣжными являлись частые неурожаи (въ XV вѣкѣ—8 и въ XVI—8) [2]), а съ другой—поддерживался постоянный переходъ крестьянъ. Но были и внѣшнія причины, благопріятствовавшія такому порядку вещей. Современныя извѣстія (Герберштейнъ, Курбскій, Поссевинъ, Флетчеръ и др.) свидѣтельствуютъ, что даже мѣстности, ближайшія къ Москвѣ, обезлюдѣли отъ постоянныхъ набѣговъ татаръ и что край, лежавшій къ сѣверу отъ Москвы до Вологды, имѣетъ болѣе густое населеніе, благодаря своей бо́льшей защищенности. И въ то время, какъ на сѣверѣ почва еще выдерживала тяжелые посѣвы, въ средней полосѣ она была уже истощена давней и усиленной работой, а на заокскомъ югѣ обширныя и плодороднѣйшія мѣста представляли паренину не вслѣдствіе истощенія, а отъ набѣговъ кочевниковъ [3]). Такимъ образомъ, въ основаніи этихъ явленій лежатъ причины болѣе общаго характера [4]). Самое прикрѣпленіе крестьянъ являлось неизбѣжнымъ и печальнымъ фактомъ жизни [5]),

[1]) Дневныя записки путешествія, I, 62—63.

[2]) *Лешковъ*, Русскій народъ и государство, 269.

[3]) По свидѣтельству Буссова, въ 1601 г. Борисъ распорядился освидѣтельствовать свои владѣнія, при чемъ оказалось, что на поляхъ оставались огромныя скирды длиною въ 1000 саж., болѣе полувѣка нетронутыя и уже поросшія (Сказаніе о Д. Самозванцѣ, I, 35); ср. *Авр. Палицынъ*, Сказаніе объ осадѣ Троицкой лавры, 11). О характерѣ татарскихъ набѣговъ см. Акты историч., I, № 200.

[4]) О земледѣліи въ древней Россіи (Труды Вольно-экономическаго общества 1866, т. т. I и II); *П. Н. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, (очеркъ 2); *Ключевскій*, Боярская Дума, 322—327.

Новѣйшее изслѣдованіе этого вопроса, въ связи съ историческими явленіями XVI вѣка,—*Н. Рожкова*, Сельское хозяйство въ Московскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ, М. 1899 (см. стр. 53—57, 66, 84, 127, 131—134, 265, 297—347, 444, 462).

[5]) „Крѣпостное право утверждено было жизнію, а не законодательнымъ актомъ, какъ думали долго“ (*Бестужевъ-Рюминъ*, Обзоръ событій отъ смерти царя Ивана Васильевича до избранія Михаила Ѳеодоровича, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1887, № 7, стр. 78; ср. *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, 106—112; *Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи, *Русская Мысль*, 1885, № 9, стр. 14, примѣч.).

какъ признаетъ и авторъ (175). Поэтому задолго до общаго указа о прикрѣпленіи цѣлые разряды крестьянъ были лишены уже права перехода [1]). Точно также изъ „Новгородской кабальной книги“ 1597 г. видно, что изъ записанныхъ въ нее новыхъ кабальныхъ людей (105 человѣкъ, не считая ихъ женъ и дѣтей), половина предварительно долгое время (отъ 5—20 лѣтъ) служили добровольно, безъ крѣпости, у тѣхъ же хозяевъ; а другая, значительная категорія лицъ, записанныхъ въ книгу, были *старинные* люди. Не менѣе любопытно, что въ числѣ кабальныхъ являются „гулящіе люди“ (на Волгѣ, по Дону, казаки, плѣнные и т. п.), слѣдовательно не весь контингентъ вышедшихъ людей пропадалъ безслѣдно [2]). Притомъ выходъ не всегда означалъ побѣгъ: шли за помѣщика въ ту же волость, изъ той же волости въ деревнѣ на починокъ, въ села сосѣднія или дальнія, на посадъ за владыку, въ каменьщики, въ плотники, въ полщики [3]), какъ равно приходили туда же [4]). Самъ авторъ, представляя положеніе крестьянъ на земляхъ одного изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, князя Симеона Бекбулатовича, замѣчаетъ: „Только одна шестая часть могла выйти сама и то въ большинствѣ случаевъ не покидая земли своего господина, а переходя изъ одной его волости въ другую, стало быть не мѣняя своихъ отношеній къ хозяину. Такой подсчетъ, какъ бы онъ ни былъ не совершененъ, даетъ очень опредѣленное впечатлѣніе: какъ правило, крестьянскаго выхода не существуетъ, существуетъ вывозъ и побѣгъ“ (175) [5]).

Въ подтвержденіе сказаннаго напомнимъ, что совершенно тѣмъ же путемъ шелъ процессъ закрѣпленія крестьянъ въ Польшѣ съ присоединеніемъ русскихъ земель, въ XIV—XV столѣтіи, когда масса крестьянъ устремлялась на эти послѣднія. Правительство предоставляетъ заселеніе ихъ, на извѣстныхъ условіяхъ, шляхтѣ, которое вскорѣ принимаетъ значительные размѣры и вызываетъ рядъ ограничительныхъ мѣръ, приведшихъ къ закрѣпленію въ концѣ XV вѣка; а въ

---

[1]) *М. А. Дьяконовъ*, Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія, С.-Пб. 1893 (1-ый очеркъ).

[2]) Новгород. каб. книги 1597 и 1599—1600 гг. (Рус. Ист. Библ., т. XV-ый); ср. *Н. Павловъ-Сильванскій*, Люди кабальные и докладные (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1895, № 1, стр. 210—239).

[3]) Полстить—валять шерсть.

[4]) Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ, *И. И. Лаппо* (Чт. въ Общ. ист. 1894, IV, 45—47).

[5]) О вотчинахъ Симеона Бекбулатовича въ опис. Тверскаго уѣзда (Чт. Общ. истор. 1894, IV, стр. 46, 204—205).

1507 г., по настояніямъ дворянства, польскія постановленія распространяются и на Червонную Русь. Въ Подоліи частно-владѣльческія села находились въ состояніи постояннаго возобновленія жителей, вслѣдствіе непріятельскихъ опустошеній и ухода крестьянъ. Поэтому и здѣсь землевладѣльцы предлагаютъ воспрещеніе перехода крестьянъ, какъ единственный способъ для усиленія колонизаціи въ украинахъ. Въ XVI вѣкѣ означенный порядокъ восторжествовалъ вполнѣ [1]. И, быть можетъ, нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей съ извѣстнымъ основаніемъ полагаютъ, что закрѣпленіе крестьянъ въ Московской Руси произошло не безъ участія этихъ вліяній, при тогдашнихъ частыхъ отношеніяхъ къ Литвѣ и Польшѣ [2].

V.

Вторая часть труда (189—571) г. Платонова даетъ обстоятельное изслѣдованіе процесса Смуты. Установивъ указанную точку зрѣнія на происхожденіе послѣдней, авторъ переходитъ къ изложенію главнѣйшихъ ея теченій и „моментовъ". Поэтому настоящая часть раздѣляется имъ на три главы, соотвѣтственно тремъ періодамъ Смуты: *первый* изъ нихъ (гл. III-я) характеризуется заглавіемъ „борьба за московскій престолъ" и представляетъ очеркъ Смуты до воцаренія Василія Шуйскаго; *второй* озаглавленъ: „разрушеніе государственнаго порядка" (гл. IV-я) и обнимаетъ время его царствованія; наконецъ, *третій* носитъ заглавіе: „попытки возстановленія порядка", которыя приводятъ къ избранію на престолъ Михаила Ѳедоровича. Кромѣ того, каждый изъ названныхъ періодовъ подраздѣляется на нѣсколько „моментовъ" (всѣхъ ихъ восемь).

Мы знаемъ уже взглядъ автора на происхожденіе Смуты. Съ своей стороны мы также не раздѣляемъ мнѣнія, что толчекъ этому движенію былъ данъ извнѣ. Но, расширивъ сферу вліянія приведенныхъ выше причинъ, авторъ вслѣдствіе того впадаетъ въ нѣкоторыя противорѣчія. При намѣченныхъ выше условіяхъ, повидимому, слѣдовало ожидать, что Смута получитъ свое начало въ низшихъ слояхъ, надъ которыми тяготѣло столько тяжелыхъ путъ. Однако вышло иначе.

---

[1] *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* (Архивъ Ю.-З. Россіи, ч. VII, кн. 2, стр. 159—160; *И. А. Линниченко*, Черты изъ исторіи сословій въ Ю.-З. Руси XIV—XV вѣка, стр. 75, 80—82, 121—126, 135—140).

[2] *П. В. Павловъ*, Борисъ Годуновъ, 42—43. Ср. *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, 110.

Движущія ея нити все-таки скрываются *въ верхахъ* боярской знати, а ближайшее затѣмъ участіе принимаютъ служилые элементы, поддерживаемые притомъ иноземною силою. Участіе массы проявляется не скоро и далеко не въ такихъ чертахъ, которыя должны были бы характеризовать господствующее вліяніе этой послѣдней. И самъ авторъ вполнѣ вѣрно опредѣляетъ первый періодъ Смуты (два первые момента) названіемъ *династическаго* (190), а главные ея фазисы слѣдующими терминами: „*первый* моментъ Смуты—*боярская Смута* (192); *второй* моментъ—перенесеніе ея въ *воинскія массы* (249—250); *третій* моментъ Смуты—*начало* открытой *общественной* борьбы“ (298—299), который совпадаетъ уже съ воцареніемъ Василія Шуйскаго.

Авторъ возражаетъ противъ извѣстнаго мнѣнія Соловьева (VII, 247), что еще при Ѳедорѣ обозначились стремленія могущественнѣйшихъ родовъ, мечтавшихъ захватить престолъ, въ борьбѣ за который должны были „выставиться будущія династіи“ [1]). Но мы уже знаемъ, прибавляетъ онъ, что боярство, старый правительственный и земледѣльческій классъ, было раздавлено опричниною и потеряло свое прежнее положеніе у власти (192). Въ этихъ первыхъ движеніяхъ авторъ отмѣчаетъ лишь „придворныя смуты“, „простыя придворныя ссоры“ (195). Даже высылка малолѣтняго Дмитрія на Углицкій удѣлъ, повидимому, не имѣла важнаго значенія (196—197). Одни изъ бояръ отличались ничтожествомъ; другіе (Годуновъ, Никита Романовичъ Юрьевъ, Шуйскіе) мирились до поры до времени со своимъ положеніемъ; но готовы были вступить въ борьбу при первой возможности и, конечно, имѣли своихъ сторонниковъ. Неудачная попытка однихъ изъ нихъ (И. Ѳ. Мстиславскій съ Шуйскими и др.), закончившаяся постриженіями и ссылками (1585—1587), и смерть виднаго царскаго родственника (Н. Р. † 1587) сосредоточили всю власть въ рукахъ Бориса Годунова (197—205).

Получивъ одно за другимъ высокія званія (1581 г. бояринъ, 1584 г. — конюшій [2]), а затѣмъ царскій слуга, дворовый воевода,

---

[1]) Взглядъ, высказанный Соловьевымъ, принимается и другими (*Бестужевъ-Рюминъ*, Письма о смутномъ времени, 60—61).

[2]) По указанію Миллера Борисъ род. въ 1552 г. (Sammlung russ. Gesch. V, 29; Изборникъ, 191, 228), а по словамъ Тектандера онъ праздновалъ день рожденія 2-го августа, и Масса говоритъ, что Борисъ ум. (1605) 55 или 56 лѣтъ (137). Князь В. И. Шуйскій былъ нѣсколько старше (*Карамзинъ*, XII, прим. 21; *Соловьевъ*, VIII, 165 и прим. 81; Актъ о смерти Шуйскихъ, *Кіев. Стар.* 1888, № 10, стр. 213). Младшимъ изъ сверстниковъ былъ Ѳ. Н. Романовъ, род. около 1555 г. (см.

намѣстникъ казанскій и астраханскій, наконецъ правитель), Борисъ становится полновластнымъ распорядителемъ внѣшней и внутренней политики государства [1]). Въ цѣломъ рядѣ примѣровъ авторъ даетъ понять, какъ выразилось это значеніе во внѣшнихъ сношеніяхъ, къ которымъ Борисъ привлекаетъ и своего сына (1595—1597). „Въ своемъ сынѣ онъ задолго до воцаренія уже намѣренъ былъ видѣть преемника своего положенія и власти“ (205—210). „Безъ сомнѣнія, говоритъ авторъ, ссылаясь на хронографъ Ив. Тимоѳеева, Борисъ обладалъ крупнымъ политическимъ умомъ и превосходилъ личными своими качествами всѣхъ своихъ соперниковъ“ (210—211). „Дарованія Годунова нашли себѣ общее признаніе у его современниковъ. У всѣхъ иностранцевъ (не исключая даже враговъ, какъ Масса), писавшихъ въ то время о московскихъ дѣлахъ, мы обыкновенно читаемъ панегирики талантамъ Бориса“ (211). Иначе отнеслось къ Борису большинство русскихъ извѣстій. Но авторъ, стараясь оставаться на высотѣ безпристрастія, объясняетъ намъ мотивы ихъ сужденій. „Русскіе писатели XVII вѣка въ ихъ отношеніяхъ къ Борису представляютъ любопытнѣйшій предметъ для наблюденія. Они писали свои отзывы о Борисѣ уже тогда, когда въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ была у праваго столпа поставлена рака съ мощами царевича Димитрія и когда правительство Шуйскаго, дерзнувъ истолковать пути Промысла, объявило, что царевичъ Димитрій стяжалъ нетлѣніе и даръ чудесъ неповиннымъ своимъ страданіемъ именно потому, что пріялъ закланіе отъ лукаваго раба своего Бориса Годунова. Власть объявляла Бориса святоубійцею, церковь слагала молитвы новому страстотерпцу, отъ него пріявшему смерть; могъ ли рискнуть русскій человѣкъ XVII вѣка усумниться въ томъ, что говорило житіе царевича и что онъ слышалъ въ чинѣ службы новому чудотворцу? Современная намъ ученая критика имѣетъ возможность объяснить происхожденіе позднѣйшихъ житій царевича Димитрія изъ „повѣсти

сводъ данныхъ въ Сборн. матеріал. по исторіи предковъ царя Михаила Ѳедоровича, изд. Костром. учен. ком., II, 78—81). О консервативныхъ тенденціяхъ партіи Шуйскихъ (*Маркевичъ*, Ист. мѣстнич. 260).

[1]) Замѣтимъ, что ни на кого не было столько мѣстническихъ счетовъ, какъ противъ Годуновыхъ (*Валуевъ*, 52, 62, 168). О значеніи рода Годуновыхъ и званія конюшаго *Маркевичъ*, О мѣстничествѣ, стр. 506, 548, 643. О званіи „государева пріятеля“ *Ключевскій*, 534; *Маркевичъ*, Ист. мѣстничества, 188. По поводу замѣчанія послѣдняго о соотвѣтствіи этого званія титулу „севастократора“ ср. *Гиббонъ*, V, 365; VI, 211; *Вейсъ*, Внѣшній бытъ, I ч. I, 77.

1606 г.“; она можетъ прослѣдить тотъ путь, какимъ политическій памфлетъ постепенно претворялся въ историческій источникъ для агіографическихъ писаній; но въ XVII вѣкѣ самый острый и отважный умъ не былъ въ состояніи отличить въ житіи святаго достовѣрный фактъ отъ сомнительнаго преданія“ (211—212). Коснувшись въ частности этихъ извѣстій (прямотою отличается лишь тотъ же Тимоѳеевъ), авторъ прибавляетъ: „Всѣ они неохотно и очень осторожно говорятъ объ участіи Бориса въ умерщвленіи царевича Димитрія, а во-вторыхъ, они всѣ славятъ Бориса, какъ человѣка и правителя. Характеристика Бориса у нихъ строится обыкновенно на красивой антитезѣ добродѣтелей Бориса, созидающихъ счастье и покой Русской земли, и его роковой страсти властолюбія, обращающей погибель на главу его и его ближнихъ“ (212—215)[1]).

Мы не входимъ въ болѣе подробный разборъ этихъ извѣстій, такъ какъ въ свое время, по поводу другаго изслѣдованія г. Платонова, имѣли уже случай говорить объ этомъ предметѣ[2]). Можетъ быть, умѣстно будетъ только пожалѣть, что авторъ не далъ намъ здѣсь болѣе подробной характеристики Бориса (напримѣръ, онъ ничего не говоритъ объ его богатствахъ, которыя позволяли ему благотворить, объ его образовательныхъ стремленіяхъ, возбуждавшихъ неудовольствіе и т. п.), какъ и далѣе мы не встрѣчаемъ характеристикъ Василія Шуйскаго и Филарета, за исключеніемъ Гермогена (476—478) и Пожарскаго (537—539). Такимъ образомъ, авторъ строго держится намѣченнаго плана—слѣдить за смѣною главныхъ теченій и явленій смуты. Авторъ не отрицаетъ, что въ дѣятельности Бориса были черты, подкупавшія въ его пользу общественное мнѣніе (даже офиціальный лѣтописецъ XVII вѣка—Новый лѣтописецъ—отмѣчаетъ его „праведное и крѣпкое правленіе“ и „къ людямъ ласку великую“); онъ признаетъ, что роль, выпавшая на долю Бориса, была чрезвычайно трудная, но симпатичная. При немъ правительство стремится усвоить болѣе мягкіе пріемы дѣйствія и обращенія, и авторъ полагаетъ, вопреки показанію Авр. Палицына, что эта обходительность и „свѣтлодушіе“ Бориса не были только лукавою личиною: онъ широко благотворилъ, заботился о правосудіи, защищалъ слабыхъ, искоренялъ произволъ и безпоря-

---

[1]) Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ отзывъ о Борисѣ обращается въ постыдную брань (Новгород. лѣт., изд. 1879, 471).

[2]) Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени (*Унив. Изв.* 1889, и отд.).

докъ [1]). Перебирая грамоты времени Бориса, мы видимъ на самомъ дѣлѣ частыя льготы и пожалованія. Далѣе, авторъ сообщаетъ, хотя съ нѣкоторыми оговорками, объ увеличеніи жалованья служилымъ людямъ, объ уменьшеніи податей, объ облегченіи городовъ, торговыхъ людей, населенія [2]), иностранныхъ купцовъ и т. п. [3]). Ссылаясь на русскія и иностранныя свидѣтельства, авторъ признаетъ, что „положеніе Московіи въ правленіе Ѳедора и Бориса улучшилось, населеніе успокаивалось и прибывало, упавшая при Грозномъ торговля оживлялась и росла. Страна отдыхала отъ войнъ и жестокостей Грознаго и чувствовала, что правительственный режимъ *круто измѣнился къ лучшему*, въ чемъ, конечно, говоритъ авторъ, *слѣдуетъ видѣть крупную заслугу Бориса*" (215—218).

Тѣмъ не менѣе авторъ замѣчаетъ: „Однако послѣдующія событія показали, что расположеніе мелкаго свободнаго люда не спасло Борисовой династіи отъ крушенія, когда на нее встали *верхъ* и *низъ* общества: старая знать — по политической непріязни и крѣпостная масса—по недовольству *всѣмъ общественнымъ порядкомъ*" (223). Въ виду указаннаго выше положенія крестьянскаго вопроса въ нашей литературѣ, едва-ли послѣднее обстоятельство могло имѣть здѣсь всецѣло свое значеніе. Правительство Бориса Годунова обнаруживаетъ въ данномъ случаѣ значительное колебаніе, и только въ послѣдующее время закрѣпленіе получаетъ вполнѣ опредѣленный характеръ [4]).

Съ другой стороны, извѣстны также отзывы современниковъ Смуты (1608), что черные люди Борису „прямили" и считали его время лучшимъ для себя сравнительно съ предшествовавшимъ; что даже въ

---

[1]) „Достойно замѣчанія слѣдующее обстоятельство, говоритъ одинъ иностранецъ о Борисѣ: за каретою царя везли ящикъ, куда были опускаемы всѣ просьбы, которыя подавалъ царю народъ, преслѣдуя его громкимъ крикомъ" (*Аделунгъ*, II, 72; ср. *Авр. Палицынъ*, 5).

[2]) Любопытно замѣчаніе императорскаго гонца Шиля (*Чт. въ Общ. исторіи*, 1875, I, 17).

[3]) Щедрость Бориса хорошо извѣстна. Въ одной же лѣтописной замѣткѣ по поводу голода 1603 г. читаемъ: „А въ царствѣ Московскомъ царь Борисъ Ѳедоровичъ... давалъ холсты на саваны и гробы и велѣлъ хоронить въ убогѣхъ домѣхъ" (Отчетъ Имп. Публ. библ., 1884, 115. Ср. Сказ. иностранцевъ о Д. Самозванцѣ, I, 35; о помощи погорѣльцамъ, *Авр. Палицынъ*, 5).

[4]) *Бѣляевъ*, 107—110; *М. Дьяконовъ*, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, 30—32; *Н. Дебольскій*, Къ вопросу о прикрѣпл. владѣльч. крестьянъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1895, № 11, стр. 99—114).

порубежныхъ мѣстахъ и въ иныхъ городахъ и волостяхъ въ это время къ нему были расположены, а тяжело было при немъ боярамъ и шляхтѣ, которые поэтому ему и его семейству прямить не хотѣли[1]). Мы вполнѣ согласны съ авторомъ (вслѣдъ за Флетчеромъ), что Борисъ унаслѣдовалъ отношенія къ знати, князьямъ, отъ Грознаго, что онъ былъ послѣдовательнымъ ученикомъ его школы (219, 222—223, 232) и потому не могъ не возбуждать неудовольствія и вражды въ этой средѣ. Онъ вызвалъ „негодованіе отъ всѣхъ Русскія земли чиноначальниковъ", по выраженію современнаго хронографа, о чемъ упоминаетъ и авторъ (220). Къ этому, конечно, слѣдуетъ прибавить извѣстныя стремленія Бориса къ сближенію съ Западомъ и отступленія въ нравахъ, допущенныя при немъ (какъ потомъ и Д. Самозванцемъ), которыхъ авторъ почти не касается, но которымъ, однако, придавали важное значеніе современники[2]). Понятно, что духовенство не могло сочувствовать правительственной политикѣ Бориса, а изъ его среды вышли потомъ лѣтописцы царствованія послѣдняго. Если симпатіи низшихъ классовъ измѣнились современемъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду подвижность настроенія толпы, слишкомъ перемѣнчивой подъ вліяніемъ слуховъ и внушеній, о чемъ свидѣтельствуетъ исторія той же Смуты. Едва-ли не справедливо въ данномъ случаѣ замѣчаніе И. В. Кирѣевскаго, что одно подозрѣніе въ злодѣяніи Бориса (быть можетъ, и неосновательное) воздвигло противъ него всю Россію[3]); но, быть можетъ, не менѣе вѣрны

---

[1]) Сборникъ *князя Оболенскаго*, № 10, стр. 46; Ак. Зап. Рос. IV, 281—282; польскій текстъ, Suppl. ad. hist. Russ. monum., № 163). „Купечествующимъ же и всякой черни льготныя и бѣлыя грамоты повелѣ давати" (*Авр. Палицынъ*, 5—6). Масса, вообще нерасположенный къ Борису, говоритъ, что простой народъ взиралъ на него, какъ на Бога. Неблагосклонный къ Борису Буссовъ замѣчаетъ, что при царѣ В. Шуйскомъ русскіе сожалѣли о Борисѣ (81).

[2]) Изборн. *Попова*, 189; Сказаніе Палицына, 20 и Рус. Ист. Библ., XIII, 487—489; Хрон. Ив. Тимоѳеева, 357—358: о „зависти на благороднѣйшихъ" и возвышеніи на счетъ ихъ „худородныхъ". Въ извѣстномъ актѣ „О началѣ патріаршества въ Россіи 1619 г.", вышедшемъ изъ канцеляріи патріарха Филарета, о Борисѣ за время царя Ѳеодора говорится: „*о строеніи царствія зѣло прилежаше* и печашеся, ко благороднымъ же и србнымъ тому, и въ синклитѣ превосходящимъ, совершенну ненависть питаше...; всѣми образы показуяся яко царь и самодержецъ, точію именемъ царь не звашеся, но вся по воли творя". О времени его царствованія тамъ же читаемъ: „совѣтника и помогателя царствію *не восхотѣ* имати ни кого же, ниже *отъ великихъ* и *превосходящихъ* въ чести равна себѣ кого имѣти". (Допол. къ акт. истор., II, 194).

[3]) Погодинъ, *Барсукова*, VIII, 221.

и слова Сигизмунда III, высказанныя позже (1612), что Годуновъ лишился престола изъ-за пустого страха передъ Димитріемъ [1]). Какъ извѣстно, въ посольской грамотѣ, отправленной къ Сигизмунду съ Постникомъ-Огаревымъ, было выражено: „хотя бы тотъ воръ и подлинно былъ князь Димитрій Углицкій, то онъ не отъ законной, а отъ седьмой жены" [2]). Ясно, что Борисъ сомнѣвался въ фактѣ убійства, а сомнѣніе и неувѣренность вѣрные спутники неудачи [3]). Напротивъ, у современниковъ, стоявшихъ у кормила правленія, не было никакихъ сомнѣній на счетъ правъ царевича Димитрія [4]). Поэтому можно вполнѣ согласиться съ авторомъ, что источникъ смуты лежалъ въ придворной сферѣ, и что вначалѣ она не затрогивала *ни одного общественнаго слоя въ его главнѣйшихъ нуждахъ и интересахъ* (249) [5]).

---

1) *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*, годъ 3-ій, IV, посольство Грушецкаго, 1—6. Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ говоритъ: „Борисъ прегордый, *ужаснувся того стремленія*, съ высоты престола царствія низвержеся", и далѣе о „пораженіи страхомъ" (Рус. Ист. Библ., XIII, 366). По словамъ князя Катырева-Ростовскаго „начаша воинстіи люди умы своими колебатися сѣмо и овамо" (ibid., 575).

2) Акты Западной Россіи, IV, 268, 274. И въ крестоцѣлованной записи на вѣрность Ѳеодору Борисовичу читаемъ: «и того вора, что называется Димитріемъ Углицкимъ на Московскомъ Государствѣ видити не хотѣти» (Собр. госуд. грам., II, 192); ср. Supplem. ad. hist. Russ. monum., 410, 418.

3) Бестужевъ-Рюминъ замѣтилъ: „Переписка царя Бориса съ цезаремъ характеристична для колебаній правительства въ опредѣленіи личности Разстриги". (Письма о Смутномъ времени, 65). Любопытны также показанія „Иного сказанія" (Времен. XVI, 22; Рус. Ист. Библ. XIII, 139). Быть можетъ, на вялость дѣйствій правительства вначалѣ имѣли извѣстное вліяніе слишкомъ успокоительныя донесенія постояннаго агента Бориса, украинскаго жителя Волковскаго-Овсянаго, 1604 г. (Матеріалы, изд. Кулишемъ, I, 21—33).

4) Дополненія къ актамъ историч. II, 194.—Томасъ Смитъ, говоря о страхѣ Бориса и всеобщемъ убѣжденіи въ законности правъ Димитрія, замѣчаетъ, что въ многоголовой толпѣ каждый относился съ подозрѣніемъ даже къ лучшимъ людямъ, при чемъ прибавляетъ, что во всякой болѣе образованной странѣ съ этими обстоятельствами справились бы безъ затрудненія (57—58).

5) Матеріалы для выясненія интриги, веденной противъ Бориса, далеко еще не исчерпаны; несомнѣнно, однако, что многіе изъ нихъ погибли. Но уже въ періодъ самой Смуты и такъ сказать по ея слѣдамъ выяснялись источники той оппозиціи, которая привела къ катастрофѣ царя Бориса и его семью: „а отъ иншихъ *именитыхъ людей зъ Москвы и листы* до того Дмитра писаные людемъ его королевской милости показывали... *и то дѣялося тыми, которые у Бориса дѣла правили*" (Отвѣтныя статьи польскихъ пословъ на съѣздѣ 1608 года, Акты Западной Россіи, IV, 269, 274). По словамъ же кн. Катырева-Ростовскаго «боль-

Коснувшись вопроса объ избраніи Бориса на престолъ, авторъ примыкаетъ къ мнѣнію (г. Ключевскаго), вопреки прежнимъ взглядамъ (Карамзина, Костомарова и Бѣляева), устраняющему сомнѣнія въ томъ, что составъ земскаго собора 1598 г. былъ вполнѣ правиленъ (229). Само собою понятно, что на этомъ не могли успокоиться противники Бориса. И если вскорѣ по вступленіи на престолъ царя Өедора ему приходилось считаться съ положеніемъ престарѣлаго Н. Романова [1]) и старшимъ поколѣніемъ Шуйскихъ, вскорѣ сошедшихъ со сцены, то теперь онъ имѣлъ противъ себя своихъ сверстниковъ и энергическихъ соперниковъ, и мы не видимъ основанія отвергать показаніе „Новаго лѣтописца", какъ вышедшаго изъ дворца патріарха Филарета, о притязаніяхъ Шуйскихъ на престолъ въ 1598 г. (229—230). Какъ извѣстно, Шуйскій прекрасно сознавалъ права своей фамиліи (273, 299—300) [2]); но не всѣ такъ думали, и мы имѣемъ свидѣтельство, идущее изъ того же источника, что правамъ этимъ не хотѣли присваивать подобнаго значенія [3]). Впрочемъ, мы не думаемъ тѣмъ самымъ отрицать утвержденія автора, что болѣе опасными соперниками Бориса были Романовы, и въ отзывахъ о немъ (мы привели ихъ выше) патр. Филарета можно найти подтвержденіе этому мнѣнію. Далѣе авторъ весьма подробно излагаетъ перипетіи избирательной борьбы (231—242) при выборѣ Бориса [4]), при чемъ не-

---

шіе бояре и воеводы царствующаго града Москвы извѣстно вѣдая, яко ложь есть, а не царевичъ Димитрій» (Рус. ист. Библ., XIII, 576; Изборн. *Попова,* 291).

[1]) Притомъ всѣми уважаемаго (Горсей).

[2]) „Для меня ясно, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, что у Шуйскихъ еще въ малолѣтство Грознаго были темные замыслы. Соловьевъ мѣтко указалъ на ихъ новгородскія связи и союзъ съ московскими торговыми людьми" (Письма о Смутномъ времени, 19). „Димитрій (Самозванецъ), говоритъ Маржеретъ, зналъ, что никто, кромѣ рода Шуйскихъ, не дерзалъ помышлять о коронѣ" (Сказанія, I, 317). Замойскій, по поводу притязаній Димитрія Самозванца, говорилъ, что „въ Московскомъ Государствѣ есть настоящіе наслѣдники престола, именно князья Шуйскіе: легко видѣть ихъ права изъ лѣтописей русскихъ" (*Соловьевъ,* VIII, 125—126).

[3]) Въ извѣстіи о началѣ патріаршества въ Россіи находимъ слѣдующее мѣсто: „Царствія же скифетръ пріемлетъ князь Василій Ивановичъ, зовомый Шуйскій, отъ колѣна прежнихъ царей россійскихъ, аще *и далече отстоя, обаче* отъ племени и поколѣнія царска" (Допол. къ акт. истор., II, 195). И далѣе: „Царствова же шесть лѣтъ; обаче ни единъ же день возвеселися во царствіи своемъ, понеже ото всѣхъ навѣтуемъ и ненавидимъ" и т. д. (196).

[4]) Что касается клятвы на вѣрность Борису (241), то подобные мотивы допускались и другими правительствами (Древ. Рос. Вивл., т. VIII, 76—101).

однократно повторяетъ (241, 242, 249), что здѣсь боролись не политическія партіи, стремившіяся захватить власть и силу въ государствѣ, а лишь отдѣльныя семьи и лица, которыя разсорились изъ-за вопроса о престолонаслѣдіи [1]).

Оставаясь вѣрнымъ своей задачѣ,—прослѣдить смѣну важнѣйшихъ явленій Смуты, а не факты дѣятельности правительственныхъ лицъ, авторъ вслѣдъ за тѣмъ (240—243) переходитъ къ дѣлу Романовыхъ (7109 =1601 г.), въ которомъ выразилась наибольшая напряженность придворныхъ отношеній, сопровождавшихся постриженіями и ссылками [2]). Позволяемъ себѣ только замѣтить, что напрасно авторъ обвинителями потерпѣвшихъ считаетъ однихъ бояръ Годуновскаго круга. Въ такомъ случаѣ Филаретъ не сказалъ бы: „Погибли мы напрасно безъ вины къ государю, въ наносѣ отъ своей же братіи“; а братъ его Василій не жаловался бы такъ: „а они на насъ наносили не узнався“. Соперничество и вражда среди бояръ въ эпоху кризиса, при естественномъ чувствѣ самосохраненія, могли легко нарушить далеко некрѣпкія связи. На однихъ враговъ едва-ли приходилось бы такъ сѣтовать....

По нашему мнѣнію, умѣстно было бы дать болѣе полную характеристику Ѳедора Романова, будущаго патр. Филарета, для которой имѣются, хотя отрывочныя, но опредѣленныя свѣдѣнія [3]).

---

[1]) По поводу одной изъ крупныхъ ссоръ (1598), за границею былъ слухъ объ истребленіи всего семейства Годуновыхъ (объ этомъ слышалъ Шиль въ Кенигсбергѣ) и о захватѣ власти. (Ср. Отчетъ о XXI-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 102).

[2]) „Дѣло“ Романовыхъ, какъ говорятъ неисправно изданное (о чемъ упоминалось при самомъ его изданіи, см. Акты историч. II, № 38, примѣч.), требуетъ переизданія (см. зам. Н. М. Павлова, *Рус. Арх.* 1886, II, 530; Опытъ Русск. Исторіогр. I, 84, 121; Письма Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени, 12, 29). Послѣдній объ актахъ смутнаго времени прямо заявляетъ: „Повторяю то, что давно говорилъ: капитальное изданіе документовъ ранѣе появленія изслѣдованія, которое будетъ на нихъ основываться“ (63). Авторъ настоящаго изслѣдованія и началъ съ того, издавъ обширный сборникъ сказаній о Смутѣ (Рус. Ист. Библ., т. XIII). Какъ извѣстно, Бестужевъ-Рюминъ настолько интересовался этой эпохой, что, кромѣ обстоятельнаго „Обзора“, задумывалъ написать ея исторію въ художественныхъ очеркахъ (см. *Е. Ф. Шмурло*, Очеркъ жизни и научной дѣятельности К. Н. Бестужева-Рюмина, стр. 308—309).

[3]). Филарета Бестужевъ-Рюминъ называетъ „едва-ли не самымъ умнымъ человѣкомъ“ (26, 36, 37). Напомнимъ еще мнѣніе о немъ Екатерины II, относящееся уже къ позднѣйшему періоду Смуты: „Онъ былъ бы царемъ, если бы не былъ монахомъ и, кромѣ того, плѣнникомъ въ Польшѣ; этотъ отецъ могъ

Переходя къ эпизоду о Д. Самозванцѣ, г. Платоновъ говоритъ: „Мы не имѣемъ надежды ни распутать, ни даже разрубить этотъ таинственный Гордіевъ узелъ и считаемъ себя не столь счастливыми, какъ тѣ писатели, для которыхъ все ясно въ исторіи ложнаго Димитрія (249). Для нашей цѣли нѣтъ ни малѣйшей необходимости останавливаться на вопросѣ о личности перваго Самозванца“, который съ означенной точки зрѣнія представляется и вовсе не важнымъ (251). Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ только, что послѣ недавнихъ изслѣдованій, а въ особенности изданія о. Пирлинга (письмо Д. Самозванца), врядъ-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Самозванецъ былъ московскаго происхожденія (251, 598—599, прим. 71) [1]. Первыя извѣстія о Д. Самозванцѣ авторъ разсматриваетъ въ связи съ опалами въ придворной средѣ (246—249). Такимъ образомъ, оппозиція „княжатъ“ какъ бы отходитъ на задній планъ, а выдвигается на первый планъ „кружокъ“ лицъ, направляющій свои дѣйствія противъ старой родовой знати; хотя успѣхъ и торжество Самозванца приходится относить не на счетъ только этого круга бояръ, а на счетъ вообще *всѣхъ* тѣхъ боярскихъ и иныхъ кружковъ, которые стали стремиться къ политической дѣятельности въ государствѣ, потерявшемъ съ династіею и устойчивость политическаго порядка (251). Мы думаемъ, что явленіе это могло бы наблюдаться и въ силу того, что московская знать не была отдѣлена такъ рѣзко отъ остальнаго боярства ни по своему положенію [2], ни по родственнымъ и инымъ связямъ, которыя несомнѣнно должны были имѣть мѣсто и въ политическихъ отношеніяхъ. Самъ авторъ даетъ обильный матеріалъ, чтобы признать, что народныя движенія той эпохи далеко не обу-

---

служить и Михаилу совѣтникомъ: онъ былъ на это весьма способенъ“. (Сборн. XVIII вѣкъ, IV, 291). Любопытны также отзывы о немъ Горсея и Массы.

[1]) Заслуживаетъ вниманія, что въ одномъ официальномъ актѣ, имѣющемъ непосредственное отношеніе къ патріарху Филарету (здѣсь Самозванецъ, какъ и въ другихъ актахъ, называется уже Отрепьевымъ), находится слѣдующее мѣсто: „*малы же помощники того бѣсованію обрѣтъ*, къ странамъ польскаго короля отходитъ, и тамо не знаемъ, яко истененъ отродъ царскій пріемлется“. Составитель настоящаго акта обвиняетъ Сигизмунда за то, что онъ, забывъ клятву, „юже положи къ царю Борису, еже быти умиренію съ нимъ лѣтъ двадесятъ“. (Доп. къ акт. истор., II, 195).

[2]) Наиболѣе типичный (и какъ писатель) представитель интересовъ „знати“ (княжатъ), князь А. М. Курбскій, раздѣляющій даже побіенныхъ на особыя главы: „о побіеніи княжескихъ родовъ“ (гл. VI-я) и „о побіеніи боярскихъ и дворянскихъ родовъ“ (гл. VII-я), постоянно говоритъ о синклитахъ, совѣтникахъ и избранной радѣ, вообще.

словливались вполнѣ тѣмъ положеніемъ вещей, о которомъ шла рѣчь выше.

Самозванцу, говоритъ онъ, первому было суждено поднять *народныя массы* въ болѣе или менѣе *сознательномъ движеніи* и передать этимъ массамъ рѣшеніе вопроса о судьбахъ престола. Съ его появленіемъ Смута перестаетъ быть „дворцовою“, хотя и остается пока Смутою „династическою“, предметомъ которой служитъ только вопросъ о преемствѣ престола. Народныя массы встаютъ за царевича, чтобы возвратить ему отнятыя Борисомъ права, *но онъ еще мало помышляютъ о собственныхъ интересахъ и объ удовлетвореніи собственныхъ нуждъ.* Общественныя стремленія *еще не проснулись въ нихъ* (250). Объ этомъ свидѣтельствуютъ прежде всего тѣ недостаточныя изъ московскихъ мѣстъ силы, какими располагалъ Самозванецъ, и та незначительная поддержка, которая была оказана ему *поляками* и *казаками* (252, 253, 258, 259, 261—262, 264—265), а съ другой стороны нераспорядительность и неувѣренность въ дѣйствіяхъ московскаго правительства (263, 264, 266—268), доказывающихъ, по выраженію автора, „отсутствіе воинскаго таланта и умѣнія“, при чемъ даже нельзя доказать тайной измѣны (266—267 [1]). Такимъ образомъ, послѣ цѣлаго ряда ошибокъ, удачныхъ и неудачныхъ для обѣихъ сторонъ, „маленькій городокъ *Кромы*“, насчитывавшій всего десять лѣтъ своего существованія, „получилъ совершенно такое же значеніе, какое принадлежало на нашей памяти маленькой болгарской *Плевнѣ*“ (266—269), а неожиданная смерть Бориса Годунова положила конецъ сомнѣніямъ (270—271).

Въ заключеніе третьей главы авторъ дѣлаетъ общую, весьма отчетливую характеристику положенія правительственной власти въ Москвѣ. Онъ указываетъ на одиночество Бориса среди московскаго боярства вслѣдствіе разрыва съ нимъ, и на отсутствіе выдающихся талантовъ въ семьѣ Годуновыхъ, которыми онъ былъ окруженъ; съ другой же стороны—на *ничтожество,* царившее въ средѣ боярства, оставшагося нетронутымъ въ Москвѣ, а между тѣмъ здѣсь оставались его недоброжелатели Шуйскіе и Голицыны, которыхъ хотя онъ держалъ вдали отъ себя, но не задумался отправить во главѣ войска противъ Д. Самозванца (273—276) [2]. Авторъ чувствуетъ про-

[1]) При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на искусство, употребленное въ дѣло Самозванцемъ (Изборникъ, 225).

[2]) Объясненіе автора относительно упрека Бориса боярамъ по поводу появленія Самозванца мы считаемъ натяжкою (275), хотя бы даже кружокъ Шуйскихъ и Голицыныхъ могъ быть чуждъ этой интриги (276).

тиворѣчіе, когда старается выдѣлить „князей“ изъ враждебной Борису оппозиціи, прибавляя: „Смерть Бориса положила конецъ нерѣшительности князей—бояръ“ (276); но въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что „аристократія (слѣд. не кружокъ), разбитая Борисомъ, противопоставила ему пагубную для него идею самозванщины“ (297). Понятно, что по смерти Бориса эти лица не имѣли основанія поддерживать существовавшій порядокъ; а настроеніе войска (подъ вліяніемъ П. Басманова, М. Салтыкова, П. Ляпунова) дало перевѣсъ господствовавшему теченію. При этомъ авторъ отмѣчаетъ недостатокъ „данныхъ для изученія этихъ теченій“, „полусознательность движенія“ (дворянъ), „смутность состоянія умовъ и неопредѣленность настроенія—въ народѣ“ (277—280, 283, 285). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Именно населеніе „Польской“ и „Сѣверской“ украйны Московскаго государства, а не польско-литовское войско доставило побѣду Самозванцу“ (297). Едва-ли это вполнѣ вѣрно. Безъ перехода московскаго войска на сторону послѣдняго успѣхъ его все же былъ сомнителенъ, а такой исходъ дѣла вполнѣ зависѣлъ отъ событій въ Москвѣ. Такимъ образомъ, путь въ Москву Д. Самозванцу былъ открытъ.

Слѣдуя избранному плану, авторъ не останавливается на подробностяхъ всей обстановки и правленія Д. Самозванца. Сказавъ о возвращеніи „мнимой царской родни“ (Романовыхъ, Нагихъ), онъ замѣчаетъ: „Словомъ возрождалась къ новымъ успѣхамъ та среда дворцовой знати, отъ которой всю вторую половину XVI вѣка терпѣли московскіе *княжата*... Во дворцѣ Самозванца формировался такой правительственный кругъ, который по своей пестротѣ и демократичности могъ бы съ большимъ успѣхомъ поспорить съ „опричнинской компаніей Грознаго“. Самозванецъ, кажется, и самъ чувствовалъ, что долженъ быть осторожнѣе съ родовитымъ боярствомъ, съ которымъ онъ сталъ такъ далекъ“... (291) (Шуйскіе были высланы вслѣдствіе заговора, но вскорѣ возвращены; Мстиславскій и Голицыны оставались у дѣлъ). Но говорить о „демократическомъ представительствѣ въ настоящемъ случаѣ“ не приходится. Противъ этого свидѣтельствуютъ составъ самой Думы при Д. Самозванцѣ [1]) и показаніе польскихъ пословъ (1608), близко знавшихъ положеніе дѣлъ [2]). А нѣ-

[1]) Собр. госуд. грам. II, № 93. Актъ этотъ помѣченъ іюнемъ 1605 года.

[2]) Они утверждали, что дѣлами правили тогда не поляки и литва, а князь Мстиссавскій, князья Шуйскіе, Трубецкіе, Ростовскіе, Оболенскіе, Воротынскіе,

сколько далѣе авторъ прибавляетъ, что побѣдою Самозванца воспользовалась (по сверженіи его) вновь образовавшаяся реакціонная партія бояръ—князей (297).

Новый переворотъ былъ совершенъ недовольными элементами—знатью, обиженною перенесенными униженіями, и духовенствомъ, недовольнымъ отступленіями и посягательствомъ на церковныя имущества, а руководителемъ этого движенія является Василій Шуйскій, располагавшій связями съ московскими купцами и новгородскими служилыми людьми, находившимися въ Москвѣ, и съумѣвшій повліять на войско, собранное Д. Самозванцемъ подъ Москвою [1]. Участіе народной толпы въ убійствахъ и грабежахъ еще разъ подтвердило всю ненадежность ея симпатій (292—295), при чемъ водворителями порядка являются и вожди движенія—княжата, и представители боярства И. Н. Романовъ и Ѳ. И. Шереметевъ (295).

Избраніемъ въ цари В. Шуйскаго „закончился, говоритъ авторъ, первый періодъ московской Смуты, который мы назвали *династическимъ*. Дальнѣйшая борьба между царемъ Василіемъ и его врагами велась *не столько* за династическія права претендентовъ, сколько за торжество того общественнаго порядка, какого желали ихъ сторонники... Воцареніе В. Шуйскаго, вожака олигарховъ (хотя онъ является посаженикомъ толпы, которою пока и держится, 314) было послѣднимъ выраженіемъ торжества реакціонной партіи... Такой исходъ долженъ былъ озадачить и озлобить народныя массы, принимавшія участіе въ предшествовавшихъ движеніяхъ. Онѣ вправѣ были ждать отъ Самозванца, какъ воздаянія за оказанную ему помощь, льготъ и облегченій, а вмѣсто того увидали водвореніе въ государствѣ *боярской* власти, имъ очень мало пріятной“ (296—297). Въ свою очередь недовольство должно было питаться ходомъ событій и обстоятельствами избранія Шуйскаго, но мы нигдѣ не видимъ, чтобы масса сознательно относилась къ своему положенію: она также преклоня-

---

Голицыны, „*Микитичъ*“, Ромадановскіе, Нагіе, Масальскіе, Татевы, Салтыковы и „иншіе *большихъ родовъ* московскихъ бояре и дворяне въ думѣ при боку его сидѣли“ (Акты Западной Россіи, IV, стр. 285). Всѣ эти фамиліи дѣйствительно находились въ Думѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это показываетъ, что хотя Филаретъ и былъ посвященъ въ митрополиты ростовскіе при Д. Самозванцѣ (Изборникъ *Попова*, стр. 194), но имѣлъ пребываніе въ Москвѣ (см. *Платоновъ*, стр. 603 прим. 86).

[1]) Личныя стремленія Василія Шуйскаго въ этомъ движеніи прекрасно понимали и тогда (Акты Западной Россіи, IV, 310).

лась передъ властью Самозванца, какъ и передъ милостями Бориса. Событія все еще скользили по поверхности, не проникая въ глубину, исключая, конечно, московскаго населенія и войска, которое преслѣдовало свои цѣли.

VI.

Второй періодъ Смуты г. Платоновъ характеризуетъ названіемъ: „разрушеніе государственнаго порядка“, а онъ совпадаетъ съ царствованіемъ Василія Шуйскаго (19-го мая 1606—17-го іюля 1610 г.). И здѣсь прежде всего автора занимаетъ вопросъ, какъ опредѣлились отношенія новаго правительства „къ московской знати“. Василій Шуйскій получилъ власть отъ кружка, считавшаго за собою право распоряжаться царствомъ „по великой породѣ своей“ (Шуйскіе, Воротынскіе, Голицыны, Куракины). Въ своихъ манифестахъ онъ указывалъ на происхожденіе свое отъ Рюрика, „иже бѣ отъ римскаго кесаря“, а московскій престолъ называлъ „отчиною прародителей нашихъ“ (299—300). Далѣе, коснувшись вопроса о „записи“ царя Василія, авторъ примыкаетъ къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые не видятъ въ этомъ актѣ политическаго значенія и ограниченія самодержавной власти со стороны боярской думы [1]). Однимъ словомъ, прибавляетъ авторъ, въ „записи царя Василія нельзя найти ничего такого, что по существу ограничивало бы его власть и было бы для него юридически обязательно...“ „Дѣло разъяснится, говоритъ онъ, если мы станемъ на ту точку зрѣнія, что „запись“ царя Василія есть не договоръ царя съ боярами, а торжественный *манифестъ* новаго правительства, скрѣпленный *присягою* его главы и представителя. Царь Василій говорилъ и думалъ, что возстановляетъ старую династію и старый порядокъ своихъ прародителей „великихъ государей“. Старый порядокъ онъ понималъ такъ, какъ понимали люди его круга—родовитая знать, „княжата“, задавленные опричниною и теперь поднявшіе свою голову... Со смертію Бориса и его семьи окончился, этотъ періодъ униженія знати и торжества дворцовыхъ временщиковъ съ ихъ роднею. Старая знать опять заняла первое мѣ-

---

[1]) Подробности этого вопроса см. въ статьѣ *С. В. Рождественскаго*, „Царь В. И. Шуйскій и боярство“ (*Ист. Обозр.*, V, 26—48). Полагаемъ, что, будучи избранъ „случайнымъ“ образомъ, Василій Шуйскій хотѣлъ присягою закрѣпить свое положеніе.

сто въ странѣ... Въ записи царя Василія выразилось настроеніе аристократическаго *кружка*, владѣвшаго тогда Москвою и думавшаго править государствомъ" (301—303).

Самое избраніе на престолъ царя Василія произошло безъ непосредственнаго участія „вельможъ" [1]) и земскихъ депутатовъ, а случайной толпой, какъ выражается и авторъ (стр. 314), а это было причиною того, что расположеніе къ нему разныхъ слоевъ общества было крайне измѣнчиво [2]), хотя существовало убѣжденіе, что согнать его съ престола нельзя безъ большихъ бояръ, дворянъ и совѣта всей земли [3]). Какъ мы видѣли, притязанія „княжатъ" не выступаютъ такъ рѣзко въ ихъ представительствѣ. Выше автору приходилось говорить о „пестротѣ и демократичности правительственнаго круга" при Д. Самозванцѣ (291); теперь „дворцовая знать" является какъ бы пестрою амальгамою разныхъ слоевъ боярства, вовсе не сплоченнаго въ организованный кругъ (304—305); при чемъ отношенія царя Василія и стоявшихъ за нимъ княжатъ къ другимъ кругамъ московской знати сложились вообще неудовлетворительно (308, 311); но и въ средѣ первыхъ врядъ-ли существовало согласіе и взаимное довѣріе (312) [4]). Очевидно, что при такихъ условіяхъ царь Василій не могъ опираться всецѣло на лицъ, его окружавшихъ, и въ то же время онъ долженъ былъ считаться съ настроеніемъ народной массы (312—317). Попутно авторъ касается вопроса о первенствѣ въ началѣ царствованія Шуйскаго въ церковной іерархіи Филарета и присвоеніи ему титула патріарха, какъ кандидату на патріаршій престолъ (305—308), что и

---

[1]) *Авр. Палицынъ*, стр. 34; *Маржеретъ*, 303, 307. Буссовъ говоритъ: „Ему поднесли корону одни только жители Москвы, вѣрные соучастники въ убіеніи Димитрія, купцы, сапожники, пирожники и немногіе бояре". (Сказанія, I, 76); „на Лобномъ мѣстѣ" (Изборникъ, 294).

[2]) Изборникъ *Попова*, 198, 294. „И устроися Россія вся въ двоемысліе" (*Палицынъ*, 34).

[3]) Изборникъ, 198; *Карамзинъ*, XII, прим. 354.

[4]) Въ движеніяхъ того времени постоянно приходится имѣть въ виду, кромѣ сословныхъ притязаній, и родственныя связи, которыя часто брали верхъ (см. у автора, 308, 310—311, 361, 367, 374, 418). Нѣсколько позже это прекрасно характеризовалъ такой видный дѣятель смутнаго времени, какъ князь В. В. Голицынъ: „Бояръ почти всѣхъ непріятелями своими считаю и заключеніе мое имъ приписываю, а Мстиславскій, И. Н. Романовъ, князь Лыковъ и другіе родня Филаретову сыну." (*Соловьевъ*, X, прилож., с. III). Припомнимъ, какъ жаловался на бояръ въ свое время (при Борисѣ) Филаретъ и какъ дѣйствовали они въ судѣ надъ Шуйскими (при Д. Самозванцѣ—*Маржеретъ*, I, 317).

подтверждаетъ затѣмъ обстоятельнымъ сводомъ относящихся сюда данныхъ [1]).

Долѣе останавливается авторъ на движеніи, поднятомъ Болотниковымъ противъ власти Шуйскаго въ Сѣверщинѣ, въ интересахъ низшихъ классовъ, въ рязанскихъ и украинныхъ городахъ—защитни-

[1]) Едва-ли можно сомнѣваться, что Филаретъ считался кандидатомъ на постъ патріарха по низложеніи Игнатія. Въ отвѣтѣ польскихъ пословъ московскимъ боярамъ 1608 года, въ числѣ лицъ, сидѣвшихъ въ Думѣ, поименованъ и „Микитичъ", какъ близко стоявшій къ Д. Самозванцу и московскимъ дѣламъ (Акты Западной Россіи, IV, 285). Поэтому Татищевъ, вѣроятно, былъ выразителемъ извѣстной части бояръ, желавшей видѣть Филарета патріархомъ—тотъ самый Татищевъ, который такъ энергически дѣйствовалъ, при возведеніи на престолъ Шуйскаго и отъ котораго вскорѣ послѣдній постарался освободиться (287; ср. Дневн. посл. въ изд. Устрялова, II, 254); но Хвалибогъ такъ много помѣстилъ фактовъ въ своемъ сообщеніи, что трудно установить ихъ послѣдовательность (Времен. Общ. ист., XXIII, 3—4) и признать, говоритъ-ли онъ здѣсь объ Игнатіѣ или о томъ же самомъ слухѣ, шедшемъ отъ поляковъ. Въ правительственныхъ актахъ имя патріарха обыкновенно отмѣчалось (Собр. госуд. грам. II, 406; *Карамзинъ*, X, прим. 349; XII, прим. 10, 28); но въ своихъ грамотахъ о вступленіи на престолъ Шуйскій говоритъ о патріархѣ безъименно (Акты экспед. II, 110; Собр. госуд. грам., II, 310; ср. Доп. къ акт. ист., I, 261), такъ какъ онъ не могъ его назвать; припомнимъ, что нѣкоторые требовали прежде избранія царя выбора патріарха, а патріархъ Іовъ, какъ извѣстно, продолжалъ пользоваться значеніемъ (у автора, 306, 347), какъ равно признавались и дѣйствія патріарха Игнатія правильными (см. Акты экспед. III, № 330, настольн. грам. митр. сарск. Іоны, 1619); притомъ же въ грамотѣ отъ 2-го іюня 1606 г., упоминая о *патріархѣ*, Шуйскій называетъ въ другомъ мѣстѣ Филарета какъ митрополита (Собр. госуд. грам. II, 310, 311, 312): очевидно, онъ разумѣлъ въ первомъ случаѣ другое лицо. Уже впослѣдствіи могли явиться неточности въ лѣтописи (Никонов. VIII, 76—78); а Симонетта, конечно, писалъ по свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ королевской канцеляріи (у автора 306; ср. Дневн. Маскѣвича, 46). Любопытно, что Сигизмундъ именовалъ Филарета „нареченнымъ патріархомъ", какъ онъ назывался въ тушинскомъ лагерѣ (грам. отъ ноября 1608 г. въ Акт. истор. I, № 106 и прим. 23), между тѣмъ какъ послѣдній называетъ себя „святѣйшимъ Филаретомъ, патріархомъ московскимъ и всея Руси" (Врем. общ. ист., I, 35—39); а въ извѣстн. актѣ о патріаршествѣ въ Москвѣ тотъ же Филаретъ относитъ даже поставленіе свое въ санъ митрополита ростовскаго къ царств. Василія Шуйскаго (Доп. къ актамъ истор., II, 196), какъ законнаго царя, выражаясь, однако, дипломатически: „Филарета же иже въ мірѣ зовомаго Ѳ. Н. Романова, брата блаженному царю Ѳеодору Ивановичу, Ростова града митрополита устрояетъ". Не менѣе уклончиво выражается о томъ и князь Катыревъ-Ростовскій: „по смерти же царя Бориса возведенъ бысть на святительскій престолъ во градѣ Ростовѣ" (Изборникъ *Попова*, 312; Рус. истор. Библ. XIII, 619). Иностранцы называли иногда патріархомъ духовное лицо, стоявшее во главѣ церковнаго правленія, какъ Буссовъ—митрополита Исидора, вѣнчавшаго на престолъ царя Василія (76—77).

ками служилаго класса, а въ Поволжьѣ—инородцами (320, 363, 378)—элементами, враждебными боярскому правленію и правамъ землевладѣльческаго класса (317—332); но этотъ союзъ вскорѣ распался вслѣдствіе противоположности своихъ интересовъ и цѣлей, при чемъ служилый классъ нашелъ выходъ для себя въ примиреніи съ правительствомъ, которое жестоко расправилось съ остатками „воровской арміи" (333—345). При всемъ томъ положеніе правительства было настолько непрочно, что оно не могло расчитывать на подавленіе смуты на окраинѣ и потому вынуждено было прибѣгнуть, для успокоенія умовъ, къ различнымъ религіознымъ средствамъ; а рядомъ съ тѣмъ идутъ указы 1607—1609 гг., касающіеся упорядоченія отношеній холоповъ и крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ и обнаруживающіе нѣкоторое колебаніе правительства, однако въ концѣ концовъ подтвердившіе крѣпостный порядокъ. Вообще, въ указанныхъ явленіяхъ авторъ видитъ торжество политической реакціи, руководимой *княжатами*, и общественнаго консерватизма, представленнаго землевладѣльческими группами населенія (345—352). Само собою ясно, что расширеніе сферы вліянія этого послѣдняго круга значительно ограничиваетъ и преобладающее положеніе первыхъ (350, 352); а направленіе правительственной политики относительно крестьянъ должно быть отнесено на счетъ *всѣхъ* бояръ.

Продолженіе Смуты (четвертый моментъ, характеризуемый раздѣленіемъ государства между московскою и тушинскою властью) поддерживается съ одной стороны наплывомъ польскихъ отрядовъ, отчасти вынужденныхъ оставить отечество, отчасти же дѣйствовавшихъ „съ позволенія" короля Сигизмунда III, а съ другой—казаками и недовольными туземными элементами, желавшими общественныхъ перемѣнъ. „Въ предпріятіи Вора, говоритъ авторъ, династическій принципъ игралъ, безъ сомнѣнія, лишь служебную роль наиболѣе удобнаго и всѣмъ доступнаго политическаго средства" (358). Овладѣніе Тушиномъ сторонниками 2-го Самозванца (1608) надолго раздѣлило государство на два враждебные лагеря, а это вынудило царя Василія искать опоры въ союзѣ съ Швеціей (358—370). Но если власть послѣдняго вызывала противодѣйствіе на окраинахъ (во Псковѣ, въ Поволжьѣ), то и тушинскій царикъ не принесъ умиротворенія. „Всѣ города отдаютъ панамъ въ жалованье, въ вотчины, *какъ и прежде сего удѣлья бывали*", говорили люди замосковныхъ городовъ. Польско-русская администрація давала чувствовать тяжесть своей власти, чѣмъ значительно способствовала образованію противодѣй-

ствующихъ силъ въ сѣверныхъ городахъ (371—385). Сравнительная зажиточность и средства означенныхъ городовъ дали возможность имъ объединиться. Дѣйствія Скопина на сѣверѣ и Шереметева въ Поволжьѣ [1]), повидимому, подавали надежду на близость конца Смуты. Авторъ вѣрно отмѣчаетъ преобладающее значеніе въ этомъ успѣхѣ тяглыхъ „мужичьихъ“ міровъ, съумѣвшихъ организоваться для боевыхъ цѣлей и доказавшихъ свое политическое постоянство и матеріальную крѣпость; между тѣмъ какъ присутствіе въ Тушинѣ „бояръ“ и превосходившаго своимъ искусствомъ польскаго рыцарства рѣшительно дѣйствовало на настроеніе московскаго служилаго класса (385—413) [2]). Только побѣда Скопина надъ тушинцами и вторженіе короля Сигизмунда въ московскіе предѣлы привели къ паденію обоихъ враждебныхъ правительствъ: олигархическо-боярскаго—въ Москвѣ и русско-польскаго въ Тушинѣ (413—416).

На страницахъ 417 — 423 авторъ даетъ живую характеристику Тушинскаго лагеря, начиная съ „нареченнаго патріарха“ Филарета, близкихъ къ нему лицъ, попавшихъ туда, и многихъ бояръ, которая свидѣтельствуетъ какъ объ отсутствіи демократизма въ рядахъ тушинцевъ, такъ и „о глубокой розни въ высшихъ сферахъ московскаго правящаго класса“. Далѣе, онъ выясняетъ, какъ возникло сближеніе „тушинскихъ бояръ“ съ королемъ Сигизмундомъ на почвѣ національно-консервативныхъ началъ, съ нѣкоторыми уклоненіями въ сторону

---

[1]) Авторъ при этомъ указываетъ на связь царя Василія съ Клязменскимъ краемъ, гдѣ Шуйскіе имѣли старинныя свои земли (404).

[2]) По словамъ современниковъ скупость царя Василія (по выраженію князя Катырева-Ростовскаго „скупъ велми и неподатливъ, а о воехъ своихъ нерадяше“), въ противоположность щедрости царя Бориса и Д. Самозванца, имѣла рѣшающее значеніе въ отношеніи къ нему служилаго класса. „Царь Василій, говоритъ Арсеній Еллассонскій, оказался весьма скупымъ и неблагодарнымъ, и не воздалъ почестей воинамъ и не далъ обычныхъ даровъ боярамъ и священникамъ, которые раздавали прежніе цари, подъ тѣмъ предлогомъ, что его предшественникъ, царь Димитрій расточилъ царскую казну, а онъ значительно увеличилъ ее, потому что получилъ многочисленные подарки отъ бояръ и народа и бояръ польскихъ и не успѣлъ отдарить ихъ; всѣ подарки остались въ царской казнѣ. По этой причинѣ быстро начались для него многія бѣдствія“ (*А. Дмитріевскій*, „Архіеп. Елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи“, 137—138). О московской казнѣ при Шуйскомъ („тѣснотою скудости, ратныя люди стѣсняющеся вси“, Изборникъ *Попова*, 193, 197; ср. Сказ. *Авраам. Палицына*, 64).— Бояре утверждали, что Димитрій истратилъ до 500.000 руб. (*Р. Стар.* 1899, № 11, стр. 439; ср. Нов. изслѣд. по ист. смутн. врем., 98, Изборникъ *Попова*, 193).

„новшествъ“, внесенныхъ недавними событіями (договоръ 4-го февраля 1610 г.), впрочемъ вскорѣ устраненныхъ (423—428).

Столь же обстоятельно изложено авторомъ и положеніе московскаго правительства, закончившееся низверженіемъ царя Василія, при чемъ онъ сгруппировалъ всѣ данныя, касающіяся этого эпизода, пользуясь нерѣдко даже мелкими показаніями, для выясненія взаимнаго отношенія партій и ихъ руководителей (428—448). Правда, и здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что напрасно авторъ такъ настойчиво ударяетъ на систематическую политику „олигархическаго правительства княжатъ“, между тѣмъ, какъ изъ собственнаго его изложенія можно видѣть, что на отношенія враждующихъ сторонъ часто вліяли опять родственныя связи, личное соперничество, крайняя распущенность служилаго класса, наконецъ, отсутствіе солидарности въ самомъ правящемъ классѣ (433, 434, 435—436, 437, 440—441, 442, 444—445), а въ дѣлѣ сверженія царя Василія принимаютъ участіе *всѣ слои* московскаго общества, начиная отъ „княжатъ“ до „мятежной толпы“ включительно (445—448).

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли сказать, что лица, стоявшія тогда во главѣ правленія, въ состояніи были проводить опредѣленную политическую программу? Характеристика этихъ вождей, представленная на страницахъ разсматриваемаго труда, Ѳ. И. Мстиславскаго [1]), И. С. Куракина—этихъ „столповъ правленія царя Василія; но если первый способенъ былъ уживаться со всякимъ положеніемъ, писать унизительныя посланія къ Я. П. Сапѣгѣ, а въ минуту опасности грозить уйти въ монастырь; то второй отличался талантливостью, боевыми успѣхами, хотя также былъ скомпрометтированъ сомнительными связями [2]); или князя И. М. Воротынскаго, близкаго къ царю Василію, но легко принявшаго на себя печальную роль въ моментъ его низложенія [3]); или князей Голицыныхъ, рано отдѣлившихся отъ Шуйскаго въ своихъ партійныхъ интересахъ, а потомъ заподозрѣнныхъ въ сомнительныхъ сношеніяхъ съ тушинскимъ лагеремъ [4]), характеристика эта, повторя-

---

[1]) Стр. 304, 431, 434, 446, 451—53, 455, 470, 472, 484, 562.

[2]) Стр. 360, 451, 446, 452, 457, 475, 562, 629.

[3]) Стр. 447, 455, 458, 562.

[4]) Стр. 442, 472, 483. Соперникъ царя Василія, князь В. В. Голицынъ открыто заявляетъ себя потомъ противникомъ боярскихъ требованій (465); а въ одномъ изъ списковъ „Плача о плѣненіи.... Московскаго государства“ (рук. гр. Уварова) читаемъ: „Властодержцы московскіе бояре сатанинскою завистью и дьявольскимъ гордѣніемъ не восхотѣша царю Василію поклонитися.... восхотѣша

емъ, не даетъ права сдѣлать такой выводъ (478). Поэтому вполнѣ вѣрно, съ своей точки зрѣнія, замѣчаетъ авторъ о царствованіи Василія Шуйскаго: „Чувство *глубокаго разочарованія* должны были вынести эти княжата *изъ допущеннаго ими опыта* боярскаго государствованія“ (452). Съ другой стороны, когда устроился Тушинскій лагерь, то онъ нашелъ поддержку, какъ прежде Болотниковъ (321, 331, 333, 341), и сосредоточилъ въ своихъ рядахъ такихъ людей, мѣсто которыхъ, конечно, скорѣе было у трона царя Василія и въ средѣ „княжатъ“, нежели на службѣ у царика (стр. 361, 365, 367, 400, 418—420, 421, 437). Впрочемъ, и самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „Просматривая списокъ встрѣчаемыхъ въ грамотахъ именъ тушинцевъ, можемъ прежде всего заключить, что у Вора были представители очень высокихъ слоевъ московской знати“ (420). Вотъ почему стремленіе къ соединенію Московскаго государства съ Рѣчью Посполитою находило одинаковую поддержку, и въ средѣ бояръ, сидѣвшихъ въ Москвѣ, и въ Тушинѣ (424—427)! Самый захватъ земель князьями и боярами относится главнымъ образомъ ко времени пребыванія ихъ въ Тушинѣ и послѣдующему моменту Смуты (1611 г.), то-есть, боярскаго правленія [1]. Но мы никакъ не можемъ уже согласиться съ тѣмъ, что авторъ включаетъ въ кругъ олигархической партіи и князя М. В. Скопина-Шуйскаго (440), конечно не по происхожденію только. Продолжительное отсутствіе его изъ Москвы, при наличности извѣстныхъ семейныхъ отношеній, лишаютъ означенное положеніе твердой опоры, и это подтверждается народными симпатіями къ нему [2].

VII.

Третій и послѣдній періодъ смуты авторъ озаглавилъ: «попытки возстановленія порядка». Здѣсь онъ отмѣчаетъ *три момента*: а) (шестой)—установленіе королевской диктатуры; в) (седьмой)—«обра-

---

пріяти королевича на Московское государство царствовати“ (*Платоновъ*, Древнерус. сказ. о смутномъ времени, стр. 107, примѣч.). Въ другихъ спискахъ мѣсто о боярахъ выпущено, а читается „людіе же“ (Рус. истор. Библ., XIII, 280).

[1]) *Чт. въ общ. ист.* 1894, II и 1895, т. IV; Записки по отдѣл. славян. археол. Имп. Арх. Общ., т. II, 21—22.

[2]) „И восхотѣша *начальницы* паки себѣ царя отъ иновѣрныхъ, *народи* же и *ратніи* не восхотѣша сему быти, *но въ прежереченнаго мѣсто* храбраго князя Мих. Скопина Богъ воздвиже втораго Михаила нечаемаго, его же и самъ избра“ (П. С. Р. Л., V, 63).

зованіе и разложеніе перваго земскаго правительства» и с) (восьмой)— „образованіе второго земскаго правительства и его торжество".

Г-нъ Платоновъ даетъ подробную характеристику правленія „семибоярщины", которая представляла остатки олигархическаго круга времени Шуйскихъ и приверженцевъ Романовыхъ, являясь какъ бы „компромиссомъ" между двумя слоями стараго боярства, сошедшимися въ намѣреніи посадить на царство иноземца (449—458); а разбирая дѣйствія этой думы, онъ допускаетъ, что рѣшеніе ея въ дѣлѣ избранія Владислава (17-го августа 1610 года) опиралось на признаніе земскаго собора случайнаго состава (462, 465—466), при чемъ самый договоръ былъ выработанъ въ строго охранительномъ духѣ (463). Впрочемъ, успѣхъ этого дѣла былъ разстроенъ занятіемъ столицы войскомъ гетмана Жолкевскаго и передачей управленія „тушинскимъ боярамъ", предупредившимъ признаніе верховныхъ правъ за королемъ Сигизмундомъ (467—469), который, пользуясь враждою среди бояръ, вскорѣ затѣмъ является полнымъ распорядителемъ настоящаго положенія вещей (470—474). Отсутствіе высшей власти выдвинуло на первый планъ представителя власти духовной, какъ бывало и въ прежнее время (патр. Іовъ; а при избраніи В. Шуйскаго признавалась необходимость предварительнаго избранія патріарха). По этому поводу авторъ даетъ намъ характеристику патр. Гермогена (476—478). Мы не думаемъ однако, что Гермогенъ когда либо находился въ близкихъ связяхъ «съ реакціоннымъ правительствомъ княжатъ» (478). Въ столь трудное время многіе, съ не менѣе сильнымъ характеромъ, какъ тотъ же Филаретъ, котораго авторъ называетъ „оппортунистомъ" (419), вынуждены были держаться господствующей власти. Не отличаясь широкимъ умомъ и проницательностію, Гермогенъ часто впадалъ въ противорѣчія, хотя бы и невольныя (476). „А Гермогенъ патріархъ, говорилъ впослѣдствіи Гонсѣвскій боярамъ, мнѣ Александру ласку и любовь свою показывалъ, въ подарокъ кушанья и питья присылывалъ, устами цѣловалъ, а въ сердцѣ гнѣва безъ причины на государя своего Владислава и на насъ держалъ", и такъ далѣе [1]. Притомъ можно полагать, что не только онъ былъ склоненъ уже тогда въ пользу кандидатуры М. Ѳ. Романова, какъ показываетъ авторъ (478), а находился, по всей вѣроятности, и ранѣе подъ вліяніемъ Филарета [2]. Вполнѣ естественно, что дѣйствія князя В. В. Голи-

---

[1]) Ак. Зап. Россіи, IV, 481—482; *Соловьевъ*, IX, 56.

[2]) Ibid., IV, 482—483; *Соловьевъ*, IX, 57; ср. 60, 64, 65; *А. Барсуковъ*, Родъ Шереметевыхъ, II, 255—259. Объ отношеніяхъ Гермогена къ тушинскому періоду жизни Филарета (у автора, 417, ср. 477).

цына шли въ разрѣзъ съ указанными стремленіями [1]), и едва-ли подъ конецъ онъ могъ бы идти рядомъ съ Шуйскими (474).

Враждебный образъ дѣйствія Сигизмунда (военный режимъ въ Москвѣ и нападеніе на Смоленскъ) открылъ глаза на настоящее положеніе дѣлъ, а смерть Самозванца (въ Калугѣ) положила конецъ колебаніямъ среди его сторонниковъ (484 — 485, 493). Такъ возникло вторичное движеніе городовъ (Рязань, Нижній-Новгородъ. Ярославль, Калуга, Тула и такъ далѣе) въ пользу очищенія Москвы отъ иноземнаго владычества, въ которомъ сошлись служилый классъ, казаки и тушинцы, скрѣпившіе свой союзъ обѣщаніемъ „воли и жалованья" боярскимъ людямъ (488—498), „совѣтомъ земли" и избраніемъ „троеначальниковъ", которые должны были организовать временную администрацію. Авторъ входитъ въ обстоятельный разборъ земскаго приговора 30-го іюня 1611 г. и причинъ его неудачи, вытекавшихъ изъ явной противоположности интересовъ договаривавшихся сторонъ и стремленій, направленныхъ противъ заявленнаго улучшенія положенія „боярскихъ крестьянъ и людей" (501—513). „Принципъ крѣпостного права торжествовалъ въ подмосковномъ ополченіи", говоритъ онъ, а редакція даннаго акта (приговора) принадлежала той сторонѣ, которую можно назвать „консервативною и землевладѣльческою". Жертвою этихъ несогласій палъ Прокофій Ляпуновъ, представитель интересовъ служилаго класса, результатомъ чего было распаденіе земскаго ополченія, передавшаго власть подъ Москвою въ руки казачества. Передъ обществомъ стояло снова два правительства: польско-литовское—въ Москвѣ (и подъ Смоленскомъ) и казацкое въ таборахъ подъ Москвою. „Наступилъ самый критическій моментъ во внутренней исторіи московскаго общества" (516—517).

Напряженное состояніе общества, подъ вліяніемъ печальныхъ событій, выразилось въ цѣломъ рядѣ „чудесныхъ видѣній", при которыхъ указывали на необходимость религіозныхъ средствъ очищенія [2]). Между тѣмъ призывъ къ дѣйствію идетъ своимъ чередомъ: почипъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ Гермогену и братіи Троицкаго монастыря, хотя и не одинаково смотрѣвшихъ на положеніе казацкаго стана подъ Москвою (517—527, 532). Здѣсь, быть можетъ, кстати было бы на-

[1]) А. З. Р., IV, 475; *Соловьевъ*, IX, 60.

[2]) Вообще, въ смутное время современники отмѣчаютъ множество чудесныхъ явленій (П. С. Р. Л. IV, 327; Новгор. лѣт., изд. 1879, 368). Повѣсти о видѣніяхъ (Рус. Ист. Библ., т. XIII).

помнить замѣчаніе Соловьева, что уже съ провозглашенія Владислава царемъ народныя движенія въ Московскомъ государствѣ принимаютъ религіозный характеръ [1]).

Образованіемъ нижегородскаго и земскаго ополченій, содѣйствовавшихъ очищенію Москвы и установленію новаго порядка съ избраніемъ на престолъ Михаила Ѳедоровича, заканчиваетъ авторъ свой трудъ. Въ сочинен. И. Е. Забѣлина „Мининъ и Пожарскій“ онъ имѣлъ уже предшественника; но и при изложеніи настоящаго эпизода онъ привлекъ новыя данныя, которыми удачно освѣщаетъ ходъ событій въ связи съ общею постановкою своей темы (528—571). „Въ Смутѣ, говоритъ г. Платоновъ, уничтожилось старое боярство и было поражено казачество. *Верхъ* и *низъ* московскаго общества проиграли игру, а выиграли ее *средніе общественные слои*. Ихъ ополченіе овладѣло Москвою; ихъ начальники правили страною до царскаго избранія; ими же, наконецъ, былъ избранъ царь Михаилъ. Передъ Смутою и въ ея началѣ еще жива была память о боярахъ „государяхъ“ Русской земли, которые шли отъ „великихъ и удѣльныхъ князей“ и посужались только „великимъ государемъ“ московскимъ. Они были господствующимъ классомъ въ обществѣ и сообщали обществу аристократическій оттѣнокъ. Съ ними боролся Грозный. Онъ разгромилъ ихъ, но не могъ истребить ихъ памяти, и новая, созданная Грознымъ знать тянулась подражать во всемъ, кромѣ политическихъ тенденцій, тѣмъ же „государямъ“. Она усвоила формы ихъ княжескаго землевладѣльческаго быта и готова была унаслѣдовать ихъ гордость и заботливость объ „отечествѣ“ и „чести“. Смута смела всѣ эти аристократическіе пережитки и выдвинула впередъ простого дворянина и „лучшаго посадскаго человѣка“ [2]). Они стали дѣйствительною силою въ обществѣ на мѣсто разбитаго боярства. Произошла, словомъ, смѣна господствующаго класса, и исчезли послѣдніе остатки стараго соціальнаго режима. Такъ опредѣляется основной фактъ нашей общественной исторіи начала XVII вѣка. Въ немъ находитъ свое объясненіе внутренняя политика новой династіи въ первое время послѣ Смуты“ (567—568).

---

[1]) Исторія Россіи, VIII, 336; ср. *Ранке*, Рим. папы, II, 167—169.

[2]) Не забудемъ, однако, что къ XVII стол. относится свыше 500 мѣстническихъ дѣлъ (*Маркевичъ*, Ист. мѣстничества, 501), а въ движеніяхъ XVII вѣка опять даютъ себя знать тѣ же противообщественные элементы.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе богатаго интересными данными изслѣдованія С. Ѳ. Платонова. Если вниманіе къ настоящему труду значительно возбуждается самою темою, то не меньшій интересъ представляетъ освѣщеніе авторомъ фактовъ новыми матеріалами и самостоятельнымъ взглядомъ на изучаемую эпоху. Какъ мы замѣтили, онъ имѣлъ многихъ выдающихся предшественниковъ въ разработкѣ уже послѣдней, которые внесли въ ея изученіе не малый трудъ и обширныя познанія, и каждый изъ нихъ занимаетъ видное мѣсто по состоянію науки и источниковъ въ свое время. Проф. Платоновъ имѣлъ возможность воспользоваться массою матеріаловъ и изслѣдованій, появившихся съ тѣхъ поръ, какъ въ иностранной, такъ и въ русской литературѣ; но, внося ихъ въ область своихъ разысканій, онъ относится къ нимъ критически, независимо отъ тѣхъ или иныхъ воззрѣній. Несомнѣнно, что выводы и постановка отдѣльныхъ вопросовъ въ современной ученой литературѣ, посвященной настоящей эпохѣ, сказались въ основныхъ положеніяхъ автора; но общая группировка фактовъ, освѣщеніе ихъ, процессъ самаго изслѣдованія идутъ у него независимымъ, намѣченнымъ имъ путемъ, а обширныя библіографическія указанія даютъ возможность читателю оріентироваться въ оцѣнкѣ его положеній. Можно не соглашаться съ иными мнѣніями и выводами автора, но слѣдуетъ сказать, что они почти всегда обставлены достаточно объективными данными.

Не менѣе удачно, какъ намъ кажется, справился авторъ съ обработкою многочисленныхъ матеріаловъ, различныхъ по своему изложенію и характеру. Монографія его отличается строго выдержаннымъ планомъ и построеніемъ: въ ней, можно сказать, ничего нѣтъ лишняго; частные вопросы развиваются не въ ущербъ главнымъ частямъ темы, а содержаніе не обременяется излишними подробностями. Скорѣе можно упрекнуть иногда автора въ излишней сжатости или краткости. Вообще, отличаясь яснымъ и живымъ изложеніемъ, трудъ г. Платонова, какъ мы надѣемся, найдетъ себѣ значительный кругъ читателей.

